НАРОДЪ

И

ГОСУДАРСТВО

П. МАРТЬЯНОВА.

—o—

ЛОНДОНЪ
ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ
136 & 138, Caledonian Road, N.
1862.

НАРОДЪ И ГОСУДАРСТВО.*

I.

Въ области очередныхъ общественныхъ вопросовъ въ числѣ другихъ поднять одинъ—аналитическій, важности по моему мнѣнію большой, онъ выражается слѣдующей формулой : что такое *народъ* и что—*не народъ?* Можно-ли провести границы между этими двумя понятіями, и можно-ли принять такое дѣленіе фактически достовѣрнымъ? Вопросъ этотъ навелъ меня на мысль написать возможное уясненіе данныхъ понятій и къ статьѣ непосредственно относящейся къ *народу* и *не народу* приложить въ видѣ предисловія.

---

* Для предупрежденія разныхъ недоумѣній, нахожу нужнымъ оговориться. Подъ словомъ "государство" я разумѣю не національную или географическую цѣлость, а неотвѣтственное правительство и всѣ правительственныя сословія господствующія и эксплуатирующія подъ его покровительствомъ и съ его помощью. Слѣдовательно данное понятіе подъ словомъ "государство", я не могъ назвать словомъ "правительство", потому что оно не выразило-бы совокупности всего господствующаго въ странѣ надъ народомъ. Понятіе государствованія для меня тождественно съ понятіемъ господства, и тамъ, гдѣ правительство какъ въ сѣверной Америкѣ—выборное, оно только управляетъ, но не господствуетъ, т. е. не государствуетъ. Есть правительства средніе между господствующимъ и управляющимъ, это отвѣтственныя, но не выборныя. Всякое государствующее правительство, устроивающее народъ, предполагаетъ несовершеннолѣтіе его, а себя если не совершенно божественнымъ, то находитъ сравнительно совершеннымъ. Все это замѣчено для уясненія точки моего воззрѣнія.

Выполняя найденную мысль, я отдаю ей первую главу статьи этой.

На одной вечерней бесѣдѣ одинъ изъ собесѣдниковъ на приведенный вопросъ о *народѣ* и *не народѣ* отвѣчалъ вопросомъ-же: можно-ли признать колонію иноземцевъ не имѣющую ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ, ни въ образованіи ничего общаго съ туземцами, до того, что туземцы, судя по историческому развитію ихъ быта и всего строя ихъ общественной и частной жизни и соціальныхъ особенностей, не въ состояніи *никогда* усвоить себѣ формы и складъ жизни этой колоніи, хоть-бы для самихъ колонистовъ они были и весьма удовлетворительны, можно-ли назвать такихъ колонистовъ народомъ той страны, гдѣ они поселились, на равнѣ и безразлично съ народомъ туземнымъ? Ему сказали: нѣтъ, они *колонисты*—за тѣмъ говорившій сейчасъ—продолжалъ: въ состояніи-ли народъ нашъ принять когда нибудь ту цивилизацію и исходящее изъ нея образованіе (я не говорю о общечеловѣческомъ) подъ вліяніемъ которыхъ развилось наше русское такъ называемое образованное общество? Иными словами: годится-ли эта цивилизація и это образованіе для того, чтобъ ихъ когда-нибудь могъ принять народъ нашъ? Опять сказали: нѣтъ, никогда. Ну вотъ вамъ и отвѣтъ: наше общество относится къ народу такъ-же, какъ относилась-бы къ нему колонія иноземцевъ, которую вы сами отказались признать народомъ.

Разумѣется, здѣсь рѣчь шла о *народѣ* въ строгомъ смыслѣ этого слова, въ томъ, какъ принято оно въ переводѣ на *земство*. Если-же говорить вообще, то

подъ словомъ народъ надо признать всю *націю*, и въ этомъ случаѣ примѣръ *колоніи* иноземцевъ будетъ не умѣстенъ, потому что хотя отношеніе ея къ земству и тождественно съ отношеніемъ къ нему *общества*, но происхожденіе—діаметрально противуположно : общество, когда то, вслѣдствіе разныхъ и извѣстныхъ обстоятельствъ выдѣлилось изъ того-же народа земства, колонія-же пріѣхала откуда-то съ чужи, со стороны ; за то исходъ ихъ можетъ быть совершенно однообразенъ. Пройдутъ нѣсколько десятилѣтій, больше — столѣтій, родятся и умрутъ, смѣнятся и замѣнятся грядущими, новыми, нѣсколько поколѣній, разности и особенности колоніальныя и общественныя сотрутся и уничтожатся и колонія иноземцевъ и образовавшаяся изъ народа колонія туземная вольются въ земство и сдѣлаются народомъ въ обоихъ смыслахъ этого слова!

А народъ—земство, какъ уже сказано, въ нихъ не вольется.

Теперь о границахъ. Съ математической точностью ихъ провести нельзя. Да и гдѣ эти границы, въ природѣ? Царство растительное не замѣтно переходитъ въ животное, ботаника и зоологія смѣшиваются, родовые виды одного изъ этихъ царствъ, отдѣльно взятаго, не замѣтно переходятъ въ другіе виды того-же царства. Такъ и здѣсь.

Въ общихъ словахъ можно сказать : все, что̀ не живетъ жизнью народной и на добро народу, *не народъ*, *не земство*, но уже колонія. Но это ничего не уяснитъ, или—очень мало.

Разсмотримъ сначала *народъ* и *не народъ* какъ *земство* и *не земство* вообще, и затѣмъ—*народъ* и *государство* отдѣльно.

Всё что̀ воздѣлываетъ землю, имѣетъ промыслы, связанные съ этимъ воздѣлываніемъ и на помощь ему или въ промежуточное, свободное отъ воздѣлыванія время, рыболовство, скотоводство, плотничество и другіе—составляетъ въ строгомъ смыслѣ *земство*. Всё что живетъ не въ разладъ и не на счетъ земства, хоть-бы оно занималось и не обще съ земствомъ, всё, что занимаясь другимъ дѣломъ, не сидитъ на плечахъ земства, производя на пользу общую, производитъ не на счетъ и не въ ущербъ, а въ помощь производительности земства, не мыслитъ въ противность разумному мышленію земства, не дошло до того, что перестало понимать земство,—есть видовое измѣненіе рода; это отдѣлъ второй. Третій отдѣлъ составляетъ все то, что, не живя во вредъ земству, понимать его уже не умѣетъ, и слѣдовательно не живетъ ему во вредъ *только случайно, а не сознательно*, и земство его, на оборотъ, не понимаетъ и не знаетъ, потому что ни зломъ ни добромъ съ нимъ не встрѣчается. Это видоизмѣненіе земства дошло до полнаго безучастія, до конечнаго отчужденія отъ него.

Наконецъ отдѣлъ четвертый : это, такъ называемое высшее, блестящее общество наше, то, которое воспитываетъ въ себѣ вкусы, *облагораживаетъ* свои нравы и чувства, просвѣщается цивилизаціей Запада, извлекая средства для удовлетворенія своихъ потребностей разными ему извѣстными узаконенными и неузаконенными путями изъ *земства*, изъ *народа*, не возвращая ему въ замѣнъ ничего, или давая то, чего онъ взять не хочетъ и не можетъ, да слезы, да страданія, да новыя униженія, да новыя оскорбленія, да новыя угнетенія, раззоренія, да все

то, что въ жизни народа общимъ словомъ называется *зло*. Вотъ эти чегвертые ужъ рѣшительно *не народъ, не земство*, да и сами они земство считаютъ антиподомъ, они не народъ, хоть къ горю, стыду и прискорбію народа принадлежатъ къ одной націи съ нимъ.

Они даже не то, чѣмъ можетъ быть для народа колонія чужеземцевъ, съ той можетъ равняться видъ, помѣщенный мною третьимъ, а эти послѣдніе могутъ только походить на пришлецовъ, евреевъ, лишенныхъ въ странѣ, ихъ принявшей, общихъ гражданскихъ правъ, и въ замѣнъ того старающихся, наверстывая свое относительное безправіе, извлекать всѣ соки изъ окружающей ихъ среды, подчинивъ ее своимъ личнымъ, эгоистическимъ интересамъ въ матеріальномъ отношеніи. Разница только въ томъ, что еврей* относительно безправны, и за это—*извлекаютъ*. Люди-же поименованные мною въ четвертыхъ, сравнительно всеправны, и при этомъ... *обираютъ*, находятъ справедливымъ жить на счетъ земства, такъ-ли, иначе-ли, а все-таки на счетъ земства.

Народъ-ли это? Земство-ли это? Общинное-ли земство—эти четвертые-то?

Это гнетъ народа, скорбь земства, позоръ націи!..

Теперь о томъ, что такое *народъ* и *государство*.

Къ странамъ, гдѣ управленіе общественными дѣлами народа отправляется сообразно съ волей народа, гдѣ народъ не служитъ правительству предметомъ эксплуатированія, а гдѣ напротивъ, правительство существуетъ только для того чтобъ выражать волю народную, тамъ, къ такимъ народамъ и странамъ

* Я говорю о торгашахъ евреяхъ, только.

понятія, которыя я сейчасъ проведу совсѣмъ непримѣнимы; они примѣнимы только тамъ, гдѣ порядокъ дѣлъ похожъ на нашъ, на тотъ, который видимъ въ государствѣ русскомъ! Народъ, это то, что̀ эксплуатируютъ, это *земство*, которое гнетется *государствомъ*. Государство это то, что̀ эксплуатируетъ земство, это правительство неотвѣтственное, это дворянство съ принадлежащими къ нему частицами, живущее на счетъ народа, угнетающее и обирающее его съ помощью правительства неотвѣтственнаго, само-же и составляя его въ видѣ чиновниковъ разнаго калибра, на что̀ и имѣетъ почти исключительную монополію.

Вслѣдствіе различныхъ историческихъ причинъ и случайностей, вопреки характерныхъ особенностей народа русскаго, правительство наше, изъ *выборно-совѣщательнаго*, быстро превратилось въ абсолютно господствующее, безконтрольно-управляющее, неотвѣтственное, и существуетъ въ этомъ видѣ нѣсколько вѣковъ. Опять разныя случайности, а отчасти и соображенія мѣшали народу русскому сбросить беззаконный гнетъ правительства, насильно захватившаго власть, превышающую границы, установленныя для нея народомъ при Рюрикѣ, возстановляемыя по мѣстамъ при удѣльныхъ князьяхъ и отчасти для всей Россіи, при выборѣ на царство М. Ѳ. Романова. Кромѣ тѣхъ разныхъ случайностей и соображеній о необходимости терпѣнія правительственнаго самоуправства, во избѣжаніе большихъ какихъ-нибудь золъ, народъ не разъ возставалъ фактически противъ беззаконнодѣйствующихъ законовъ государственныхъ, всегда направлявшихся

къ захвату правъ народныхъ, его свободы; но всѣ эти попытки, борьбы и возстанія были подавляемы силой, и послѣ нихъ неправды правительства и гнетъ его власти всё усиливались да усиливались, видоизмѣняясь во внѣшней формѣ своей и принимая болѣе стройный видъ и организованный строй, по мѣрѣ перерожденія государства по образу и подобію бога имперіи Римско-нѣмецкой съ остатками типа Монголо-Византійскаго. Правительство наше, вмѣсто того, чтобъ соображать дѣйствія свои съ потребностями и интересами земли, стало рѣшительно помыкать народомъ, эксплуатировать его и государствовать во вся тяжкая, позабывъ *десятую* заповѣдь скрижалей господнихъ и навязывая всѣмъ первую, въ которой говорится : "Азъ есмь господь богъ твой и несть тебѣ бози иніи развѣ мене!" цѣликомъ примѣняя ее къ себѣ и обращая къ народу, котораго оно ни изъ какого Египта не изводило, а только привело....

Вотъ общее знакомство *съ Русскимъ государствомъ*.

Теперь о составныхъ частяхъ его.

Все чиновничество за жалованье и чины исполняющее волю правительства, въ должностяхъ установленныхъ отъ него, служащее ему, разсѣянное по всему лицу земли русской—бюрократія, т. е. само правительство суть *государство дѣятельное*.

Все дворянство, владѣющее землями и населенными имѣніями и еще недавно владѣвшее душами, дворянство, неслужащее и непринимающее участія въ данный моментъ въ правительственныхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, а спокойно извлекающее соки изъ распростертой подъ ногами его земли русской—есть *государство пассивное*, бездѣй-

ствующее, но все-же *государство*, солидарно связанное съ дѣйствующимъ тѣмъ, что существованіемъ своимъ обязано ему и ему-же даетъ средства пополнять бюрократическіе ряды его, доставляя людей нужныхъ и охочихъ подвизаться на поприщѣ бюрократіи и народнаго эксплуатированія. Оно, бездѣйствующее въ данный моментъ, служитъ и резервомъ и складочнымъ мѣстомъ въ то-же время, для того—дѣйствующаго, и оба вмѣстѣ суть двѣ части составляющія одно цѣлое—*государство постоянное*.

Кромѣ этого *государства постояннаго* есть еще одно—*періодическое*, т. е. части государства, возникающія періодически, чаще на срокъ опредѣленный, иногда безсрочно, и затѣмъ возвращающіяся въ народъ; это лица призываемыя на государственную службу не изъ дворянскаго сословія. На то время своей жизни, когда служатъ государству, они сами дѣлаются государствомъ и встаютъ въ ряды враждебные народу. Это государство *временное*, *случайное*, *періодическое*, какъ хотите, но не постоянное, но все-же *государство*...

Къ этой послѣдней категоріи лицъ, составляющихъ государство, нельзя причислить тѣхъ, которые служатъ государству по выборамъ дворянства, т. е. государства же только пассивнаго, они выбранные государствомъ изъ государства-же, т. е. изъ дворянства, служитъ государству, и въ то время когда служатъ ему, и въ то время когда не служатъ, все-таки принадлежатъ къ государству, къ постоянно существующему государству; разница вся въ томъ, что во время службы своей принадлежатъ они къ государству дѣятельному, послѣ—къ государству пассивному.

Къ государству-же періодическому, временному, принадлежатъ всѣ тѣ люди, которые *опредѣлены* государствомъ къ должностямъ на время изъ купечества и крестьянства.

Наконецъ, рѣшительно не принадлежатъ къ государству люди, служащіе по *выборамъ* крестьянства; они находятся въ страдательно-подчиненномъ отношеніи къ государству, точно въ такомъ-же въ какомъ находится къ нему и весь народъ — земство.*

Купцы, это тоже въ гражданско-сословномъ строеніи Россіи, въ такомъ отношеніи къ дворянству—государству и народу-земству, что̀ и въ какомъ отношеніи къ царству животному и царству растительному—извѣстная перекати-трава; она совсѣмъ не животное, потому что не имѣетъ органовъ необходимо обусловливающихъ физіологическое устройство тѣла животныхъ, и не растительно-неподвижное, потому что имѣетъ свойство передвиженія, какъ животное органическое; или они какъ кораллы неподвижно приросшіе, какъ все въ царствѣ растительномъ, къ почвѣ, къ подводнымъ скаламъ и рифамъ дна морскаго и въ тоже время имѣющіе органы питанія, нѣсколько сходные съ органами питанія животныхъ. Купцы, повторяю, въ такомъ же точно неопредѣленномъ состояніи между народомъ-земствомъ и государствомъ-дворянствомъ.

* Къ несчастію это только по теоріи, на дѣлѣ-же, у насъ, въ большей части случаевъ вслѣдствіе строенія всего организма государственнаго управленія, лица эти невольно подчиняясь вліянію государства, исполняя волю его, и сопричащаясь ему въ дѣйствіяхъ его, дѣлаются какъ и оно эксплуататорами избирателей своихъ.

Мѣщане и ремесленники — еще ступени между купечествомъ и земствомъ, но ступени эти такихъ незначительныхъ размѣровъ, что будетъ совершенно справедливо, если всѣхъ ихъ мы подведемъ подъ уровень понятія—земства.

Инженеры, механики, ученые, художники—въ народѣ, для народа, изъ народа и съ народомъ, кромѣ частныхъ уклоненій, являющихся вслѣдствіе условій внѣшнихъ, лживости общественной постановки, общественныхъ потребностей и общественнаго направленія, неотразимо на людей вліяющихъ и на дѣятельности ихъ отражающихся.

Армія и духовенство суть продолженія и орудія государства; съ помощью первой оно дѣйствовало и думаетъ дѣйствовать на народъ, въ случаѣ нужды, открытой силой—штыкомъ и пушкой, съ помощью втораго—силой скрытной на совѣсть народа, ученіемъ, что "Всякая власть отъ Бога есть," и проч. Но опытъ и разумъ говорятъ, что ни армію, ни *бѣлое* духовенство самимъ государствомъ признавать нельзя, потому что первая, сама эксплуатируемая до пельзя государствомъ и хранящая вслѣдствіе происхожденія солдатъ народныя симпатіи, можетъ въ данный моментъ служить точно такъ-же народу и его отвѣтственному, представительному правительству, какъ служитъ теперь неотвѣтственному *государству*; а духовенство при извѣстной враждебности своей къ духовенству черному, давящему бѣлое и безусловно преданному государству, получивъ лучшее образованіе и сознавъ самыя личныя выгоды, скоро можетъ примкнуть къ народу; начало чего уже чувствуется, въ особенности потому, что бѣлое духовенство, болѣе

испорченное воспитаніемъ, чѣмъ фанатизмомъ, способно скоро отказаться отъ Никоновщины и не насиловать совѣсти народа обрядами, имъ нелюбимыми.

Вотъ какъ понимаю я о народѣ, какъ земствѣ и— не-народѣ, какъ не-земствѣ, и вотъ гдѣ вижу границы между этими понятіями и развѣтвленіями ихъ.

Впрочемъ все это дѣленіе можно допустить только при спокойномъ состояніи страны. Въ данный-же моментъ усиленной жизненной дѣятельности народа, движенія и взрывовъ, тотъ и народъ, кто *за одно съ народомъ* и тотъ не народъ, кто противъ него!

Въ заключеніе я изъявляю надежду, что нѣкоторое уясненіе вопроса о томъ, что̀ такое *народъ* и *не народъ*, въ то время какъ о сближеніи съ народомъ поднято столько рѣчей и къ сближенію возбуждено стремленій, не можетъ быть ни для кого ни оскорбительнымъ, ни лишнимъ, потому что надо-же знать кому и съ кѣмъ сближаться. Разъясненіе мое можетъ быть неполнымъ, тогда оно вызоветъ болѣе совершенное, но неумѣстнымъ быть оно не можетъ. Разумѣется, что проводя границы межъ понятіями *земства* и *не-земства* и умственно дѣля ихъ на отдѣлы, людей по именамъ назвать нельзя, и даже не всегда, въ извѣстной степени, по ихъ занятіямъ. Пусть всякій, кто захочетъ, заглянетъ въ самаго себя и самъ опредѣлится къ какому онъ разряду котораго понятія принадлежитъ.

Пусть каждому изъ насъ подскажетъ совѣсть!

А какъ соединяться, кто *можетъ?* отвѣтъ найдемъ въ самихъ себѣ.

II.

По поводу отношеній государства къ народу я говорилъ* : "Такъ называемое высшее сословіе съ его подраздѣленіями во всякой странѣ представляетъ и олицетворяетъ собою государство, стремящееся господствовать надъ народомъ. По законамъ соціальнымъ и политико-экономическимъ интересы двухъ сосѣднихъ и несосѣднихъ, сколько нибудь цивилизованныхъ народовъ столкнуться между собою не могутъ, а напротивъ интересы и потребности одного обусловливаются, дополняются, сохраняются и удовлетворяются интересами и потребностями другого. Не то бываетъ съ государствами. Интересы государствъ, вслѣдствіе не нормальнаго ихъ отношенія къ народамъ, между собою сталкиваются, борятся, возникаютъ государственныя войны, несправедливо, но тѣмъ не менѣе по страшной необходимости ложащіяся на народъ и гнетущія его всей своей тяжестью. Наконецъ одно государство слабѣетъ, уступаетъ, и если почему-нибудь невозможна мировая сдѣлка, подпадаетъ подъ господство другого, взявшаго верхъ государства, причемъ послѣднее исключаетъ для побѣжденнаго *исключительное государствованіе* надъ страною, т. е. право высшаго сословія эксплуатировать и вообще угнетать сословія низшія, присвоивая преемственно, по праву силы и побѣды значительную долю этого права себѣ".

* Письмо къ импер. Александру II, Колоколъ листъ 132.

По замѣчанію одного почтеннаго публициста не всегда народы, живя осѣдло, не сталкиваются между собою, и не всегда интересы ихъ и потребности обусловливаются интересами другого и очень часто, наконецъ, разнузданныя страсти народа въ животныхъ порываніяхъ своихъ заставляютъ забывать его истинные, человѣческіе интересы людей и наталкиваютъ на грубыя завоеванія и отъемъ земель у сосѣда. Въ общемъ смыслѣ можетъ это и справедливо, но въ примѣненіи исключительно къ народу русскому, возможныя порыванія страстей этихъ, наталкивающихъ его на завоеванія и грубые отъемы земель у сосѣдей, я хочу разобрать нѣсколько подробно. Во-первыхъ, я говорю здѣсь о народахъ сосѣднихъ и несосѣднихъ "сколько-нибудь цивилизованыхъ" *съ обыихъ сторонъ*, и если мы видимъ, что самъ народъ нашъ подвигаясь и порываясь на крайній югъ къ Черному морю, востокъ и сѣверовостокъ и занималъ и заселялъ земли, принадлежавшія до того народамъ нисколько не цивилизованнымъ, самой природой и исторіей, какъ и всѣ такіе народы, доживающіе свою очередь, какъ бы обреченнымъ послужить грунтомъ и уступить мѣсто въ жизни человѣчества—другимъ, болѣе сильнымъ, здоровымъ и молодымъ. Это явленіе естественное и нормальное вызывается отнюдь не страстями и завоевательными стремленіями народа, а просто тѣмъ-же, чѣмъ вызывается наполненіе водою сосѣдней съ нею пустоты ничѣмъ отъ нея неотдѣленной.

Взглянемъ-же теперь на Западъ. Съ этой стороны гдѣ живутъ народы здоровые, еще на долго призванные къ исторической дѣятельности въ жизни

человѣчества, съ этой стороны всѣ войны международныя возбуждаемы были ужъ никакъ не воинственными стремленіями и завоевательными порывами нашего народа. Просто, или народъ нашъ былъ вовлекаемъ и вызываемъ на отпоръ нападеніемъ на предѣлы свои государства сосѣдняго и доводимый такимъ нападеніемъ до озлобленія, послѣ, въ отмщеніе, ломился уже въ предѣлы его и захватывалъ и присоединялъ къ землѣ своей добрыя части, принадлежавшія сосѣду; или государство русское, возбуждая какой-нибудь вопросъ и затѣвая споръ съ государствомъ сосѣднимъ, вовлекало народъ свой въ войну за интересы для него чуждые, интересы государственные; по весьма понятному чувству патріотизма, народъ позабывалъ, что война эта совсѣмъ не его народная война и возбуждена не имъ и безъ его вѣдома, принималъ въ ней болѣе и болѣе живое участіе и кончалось тѣмъ, что отъ сосѣдей мы отхватывали частицы или сосѣдямъ приплачивались своими. Да иначе и быть не могло; вѣдь кѣмъ-бы война ни была возбуждена, она по необходимости ложится на народъ, и въ случаѣ побѣды воюющее съ нами государство, не наденетъ на руки перчатки, чтобъ прикосновеніемъ не причинить народу безпокойства, ему поплатится народъ-же, а не государство, возбудившее войну. Значитъ и при полной антипатіи къ войнѣ, въ ней надо принимать участіе и биться съ тѣмъ, съ кѣмъ хочетъ драться государство. И такъ выводъ тотъ, что на всѣ эти завоеванія и присоединенія, хотя бы они и очень нравились самому народу, никакъ нельзя смотрѣть какъ на *слѣдствія завоевательныхъ стрем-*

леній народа; они, завоеванія и войны, суть слѣдствія вражды, *возбуждаемой между народами правительствами, неотвѣтственными предъ народомъ, слѣдствія вражды государственной*. Въ отношеніяхъ народа нашего къ Западу, мы рѣшительно не видимъ проявленія завоевательныхъ страстей; къ Югу и Востоку—да развѣ, повторяю, море неразольется туда, гдѣ плоскость ниже уровня его бассейна!..

Само собою разумѣется, что выше въ цитатѣ изъ письма говоря о государствахъ и употребляя слово "право", я вовсе не думалъ о признаніи какого нибудь законнаго права въ насиліи государственнаго гнета, равно беззаконнаго, какой-бы условной кличкой оно ни отмѣчалось.

Откуда, однако, взялось *это* право у насъ? кто далъ его государству?

Кто далъ? да само-же государство!

Ну, такъ откуда государство взялось, для чего оно было нужно? кому?

По словамъ преподобнаго Нестора, словени, меря и кривичи, пріидоша въ чувство и совѣтъ сотвориша еже избрати себѣ князя отъ инаго рода.

Что-же это, стало народъ самъ?....

Позвольте, позвольте, народъ государства къ себѣ не призывалъ, онъ призвалъ къ себѣ князя-агента, человѣка, которому поручилъ, довѣрилъ, вслѣдствіе взаимныхъ условій, управленіе дѣлами страны, судными, военными и вообще строенія общественнаго и положилъ за то жалованье, вознагражденіе за труды податью, въ родѣ того, какъ платили крестьяне чтецамъ положенія всѣмъ міромъ съ человѣка по копѣйкѣ.

Рюрикъ довѣрія не оправдалъ, онъ забралъ власть въ руки и сталъ притѣснять тѣхъ, которые его призвали; народъ, возмущенный вѣроломствомъ князя, протестовалъ возстаніемъ Вадима. Государство, вступивъ въ бой, на первыхъ-же порахъ столкнулось съ народомъ какъ сила съ свободой, и побѣдивъ, разрѣшилось насиліемъ.

Народъ въ правительство, заявившее себя государствомъ, правительствомъ неотвѣтственнымъ, господствующимъ, утратилъ вѣру; государство, переставшее быть только правительствомъ, стало глядѣть на народъ какъ на побѣжденнаго, а на себя какъ на воинскій станъ. Для сбиранія податей оно ходило по областямъ съ дружиной, причемъ мѣра, условленная съ Рюрикомъ была, разумѣется, забыта, и дѣло дошло до того, что выведенные изъ терпѣнія безмѣрной жадностью князя и его насильственными поборами даней, древляне убили Игоря. Ольга отмстила; пошла съ вооруженной силой, осадила, избила, и покорила древлянъ какъ враговъ, употребивъ въ дѣло кромѣ силы, по преданію, хитрость. Теперь двумя крупными фактами уже заявилась вражда народа къ государству: возстаніемъ Вадима въ Новгородѣ и убійствомъ Игоря въ Древлянахъ, а сколько было обыденныхъ, ежедневныхъ, мелкихъ протестовъ народа выражавшихся бѣгствомъ, укрывательствомъ, убійствами въ одиночку и скопами въ засадахъ, лѣтописецъ, разумѣется, сказать не могъ; а понимать мы можемъ, хоть-бы изъ того на примѣръ, что князья ходили собирать подати съ народа, какъ контрибуцію съ непріятелей, окруженные дружиной, боялись значить, и сила была нужна.

Такое государство понравиться народу не могло.

Чѣмъ-же держалось оно? Чѣмъ держалось государство, смотрѣвшее на народъ, призвавшій его добровольно, какъ на стадо овецъ, съ которыхъ оно въ правѣ стричь шерсть, подчасъ и съ кровью, какъ на враговъ, съ которыхъ беретъ не подать на необходимые расходы, на благо и устройство общественнаго быта въ странѣ, а контрибуцію на удовлетвореніе враждебной народу дружины чужеземцевъ. Чѣмъ держалось государство, которое съ своей дружиной сравнительно, вѣдь не богъ-же знаетъ какую силу представляло, чѣмъ оно держалось?

Да чѣмъ! всё тѣмъ-же, что заставило славянъ, мерю и кривичей призвать къ себѣ князя для управленія общественными дѣлами страны своей, *идеей наряда,* который хотя и нарушался тѣмъ-же самымъ государствомъ, но безнарядья видно при немъ было все-таки не столько, сколько до него. Вотъ чѣмъ держалось государство въ общей совокупности своей.*

---

* Находятъ страннымъ и унизительнымъ призваніе чужеземца для княженія и наряда. Я ни странности, ни унизительнаго тутъ не вижу, мнѣ только кажется, что наши предки не давали большой важности князю, они пригласили его какъ приглашаютъ агента, стряпчаго и воеводу — вмѣстѣ, который всегда долженъ быть въ зависимости отъ пригласившихъ. Случалось слышать, что находятъ и такое призваніе позорнымъ, значитъ не могли найти дома человѣка способнаго, что-же это за народъ... И по этому, не смотря на лѣтописца и на общепринятое въ исторіи мнѣніе, что показаніе его достовѣрно, такіе скептики хотятъ лучше думать, что князья наши—завоеватели. Вѣдь можетъ и такъ. Но если не такъ, то въ призваніи князя—я опять не вижу доказательства бездарности нашихъ предковъ, "не славенъ пророкъ во отечествѣ своемъ"; да къ тому-же могли разсчитать, что у Рюрика дружина, такъ пусть ее служитъ у насъ по найму, она-же кстати и воюетъ хорошо;

Кромѣ этого служилые, дружинные люди перешедшіе впослѣдствіи въ боярство, составлявшіе государство въ томъ смыслѣ, въ которомъ я его понимаю, дѣлали не только то, что собирали подати со страны, они ее и отъ набѣговъ защищали, отбивали отъ враговъ внѣшнихъ.

Еще и это главное, народъ потому терпѣлъ государство, почему нельзя оторвать уши у женщины, если серьги намъ не нравятся. Отрывая государство, пришлось-бы добраться и до князя... Разница конечно въ томъ, что серьги оскорбляютъ вкусъ, чувство,

---

а развѣ нынѣ чужеземныхъ воиновъ не нанимаютъ? Не знали предки, что дружина завоюетъ ихъ самихъ. Да и потому могли призвать князя —стряпчаго, что если своего поставить, другому захочется, а то иные станутъ находить, что князь—судья туземецъ близкимъ людямъ потакаетъ, а чужой равно для всѣхъ чужой, пусть его служитъ съ дружиной. Не думали, что не служить станетъ, а служить себѣ заставитъ.

А если Несторъ употребляетъ слово "в о л о д ѣ т и нами", то Несторъ писалъ двѣсти лѣтъ спустя послѣ призванія, въ его время благодаря насиліямъ, князья уже в о л о д ѣ л и и Несторъ современное понятіе о значеніи князя могъ перенести на прошедшее.

Одно слово, я ни завоеванія не отвергаю, ни призванія; но ни въ томъ, ни другомъ не вижу указанія на добровольное подчиненіе чужеземному владычеству. Въ первомъ случаѣ частыя порыванія къ возстанію, все что можетъ сдѣлать не собравшійся, не закалившійся народъ противъ организованной, привычной силы. Въ послѣднемъ— частые протесты говорятъ, что предки наши князя призвали совсѣмъ не для того, чтобъ ихъ —а чтобъ для нихъ воздѣлывалъ; и если сила устояла, такъ потому, что она сила, а вовсе не по страстному желанію людей лобызать ея пяту, падавъ ницъ. Могутъ замѣтить, что все это дѣла давно минувшихъ дней... Но эти замѣчанія я сдѣлалъ для оговорки, что вдумываясь въ духъ и смыслъ исторіи, я вовсе не хотѣлъ пристать къ какой и чьей-бы ни было доктринѣ и системѣ, и если дальше буду говорить о духѣ фактовъ, то независимо и не придерживаясь ни чьихъ мнѣній; можетъ ошибусь, тогда пускай поправятъ и простятъ меня.

а государство садится на плеча... Вслѣдствіе этой разницы было исключеніе и для князя. Игорю оторвали уши. Но случай этотъ кромѣ невсеобщности значенія его въ народѣ русскомъ и самъ по себѣ составляетъ дѣйствительное исключеніе и послѣ во все продолженіе тысячелѣтней исторіи нашей не повторялся, по крайней мѣрѣ по тому поводу, по которому совершился этотъ.

И такъ народъ терпѣлъ государство изъ уваженія къ ушамъ князя, представителя общественной правды, значитъ и тогда уже идеальнаго, потому что представителями правды народъ хотѣлъ ихъ видѣть, а были-ли они такими... мы видѣли что нѣтъ.

Какъ-бы то ни было, гнетъ государства надоѣлъ, а князья занятые личными династическими интересами, раздѣлили землю на удѣлы, народъ раздѣлу не мѣшалъ, народу было все равно, народу станетъ даже лучше, онъ зналъ уже по опыту, что государство чѣмъ сильнѣе, тѣмъ гнетъ его грузнѣе. Государство раздѣлилось на три части и вмѣстѣ съ нимъ земля между дѣтями Ярослава, а впослѣдствіи, послѣ перваго соединенія подъ властію Владиміра, на множество удѣловъ между его дѣтей и въ ихъ потомствѣ.

Раздѣлясь, раздробясь, государство измѣльчало, обмелѣло, земля приподнялась, землѣ жилось вольнѣе, это видно изъ того, что Новгородцы, на примѣръ, говорили князю, не конфузясь : "Не можемъ терпѣти твоего насилья, поѣди отъ насъ, а мы себѣ князя промыслимъ". Князь божился, клялся, увѣрялъ (а уже не стрѣлялъ въ народъ) что больше притѣснять не станетъ, награбленное возвратитъ : "Того всего лишуся, а крестъ цѣлую на всей волѣ вашей".

Новгородцы не вѣрили. "Княже, говорили они, лезе отъ насъ, не хотимъ тебѣ, али идемъ весь Новгородъ прогонить тебѣ". И князь удалялся. Кіевляне поступили также, Владимірцы не отставали, народу стало лучше, жизнь пошла вольнѣе... Да вдругъ монголы! Плохо! Земля въ удѣлахъ, удѣлы по князьямъ, князья въ перебранкѣ, цѣлость нарушена, единство исчезло, центральной силы нѣтъ и Русь надломилась, народъ попалъ въ рабство.

Когда-то давно, въ азбукѣ съ картинками, въ дѣтствѣ, я вычиталъ басню, въ которой старикъ умирая, учитъ дѣтей своихъ не дѣлиться межъ собой, примѣромъ вѣника. "Возьми, говоритъ онъ старшему сыну, возьми, переломи!"—сынъ измучился, а вѣникъ только гнется. "Возьми, сказалъ старикъ другому, попробуй" взялъ вѣникъ и другой сынъ, ломалъ, ломалъ, а результатъ одинъ. Третій—тоже! "Развяжите теперь вѣникъ, говоритъ старикъ, и изломайте прутья по одному". Дѣти мигомъ исполнили приказъ отца и вѣника какъ не бывало. "Такъ и вы, сказалъ отецъ, пока живете вмѣстѣ не погибнете, когда раздѣлитесь, съ вами будетъ тоже что съ этимъ вѣникомъ".

Когда я думаю объ удѣльномъ періодѣ нашей исторіи, и о возможности повторенія его въ будущемъ, въ какомъ-бы видѣ ни было—безъ прочной центральной связи, мнѣ всегда приходитъ въ голову басня о вѣникѣ, прочитанная мною въ дѣтствѣ.

Новгородъ отъ монгольскаго погрома уцѣлѣлъ, его спасъ сѣверъ да болота. Великоруссія промокла кровью и слезами; измучилась подъ гнетомъ рабства и кнутомъ; князья ходили на поклонъ въ улусы, носили дань съ порабощеннаго народа и униженно

пресмыкались предъ врагомъ, иные гибли; митрополитъ поѣхалъ въ степи золотой орды молиться Богу за татарку-ханьшу, а Хану—за Москву.

Русь Юго-Западная вошла въ Рѣчь-посполитую, Кіевъ столица земли южно-русской, стольный городъ Владиміра, краснаго солнышка, мать и краса городовъ славянскихъ, святыня душъ и сердецъ народа русскаго, нашъ новый свой святой Іерусалимъ, предметъ томительныхъ и страстныхъ порываній и набожныхъ обѣговъ передъ Богомъ, сталъ городомъ подвластнымъ Польшѣ. Папизмъ ругался православію, аристократія—народности, земля попала въ крѣпость, люди въ крѣпостные.

И въ то время какъ народъ великорусскій изнывалъ подъ игомъ монгольскимъ, а послѣ подъ деспотизмомъ самоуправства московскаго; въ то время какъ народъ южнорусскій и народъ польскій вкушали отъ сладости аристократическихъ тенденцій панства, славяне южные и югозападные томились подъ гнетомъ владычества турецкаго и начали ломиться предъ силами нѣмецкими.

Вотъ до какихъ бѣдъ довела народъ русскій рознь удѣльная, и весь народъ славянскій—рознь племенная и сословная. Монголы да монголы, монголы да монголы. Монголы заволжскіе, монголы варшавскіе, монголы турецкіе, монголы нѣмецкіе! А все рознь народа славянскаго, все рознь племенная да сословная!

Въ концѣ, въ послѣдней главѣ, я возвращусь къ періоду призванія князей русскихъ славянами на Сѣверѣ и между прочимъ разовью мой взглядъ на взаимныя отношенія князей и народа, въ то

время, на Югѣ, и на то замѣчательное обстоятельство, какъ слѣдствіе чувства родства и солидарности между племенами, что всѣ они, вошедшіе въ кругъ княжества, признали князей, приглашенныхъ сѣверомъ, законными, не смотря на то, что славяне южные въ призваніи князей сѣверомъ не участвовали, терпѣли-же отъ нихъ, во время ихъ княженія больше послѣдняго.

Я говорю здѣсь исключительно о славянахъ, составившихъ Россію.

Терпѣли отъ нихъ и признавали. Многимъ это терпѣніе кажется унизительнымъ; такъ, но что̀ лучше для народа, неуспѣвшаго создать политическое единство съ болѣе свободнымъ строемъ гражданскимъ, что̀ лучше для него—цѣной-ли терпѣнія въ первый періодъ исторіи купить свободу и независимость для потомства, составивъ одно политическое, могущественное тѣло, царство, или, раздробившись, представить исторію вѣника, что̀ лучше—я не знаю. Предкамъ нашимъ и надоѣло терпѣть, князья раздѣлились, народъ не протестовалъ, что-же вышло, вѣникъ, монголы!

Впрочемъ ужъ въ рѣшительно повальномъ терпѣніи предковъ нашихъ обвинить нельзя; мы знаемъ факты, говорящіе громко о ихъ протестахъ противъ насилія и злоупотребленій власти, знаемъ случаи, не рѣдко повторявшіеся, гдѣ предки наши распоряжались престолами князей, ну хоть какъ, какъ... да все равно—распоряжались, расходовали одного князя, замѣняли другимъ. Значитъ, терпѣніе было не безсмысленно-унизительное и безграничное, а съ условіями и по свободному разсчету.

III.

Въ Великоруссіи, въ XV вѣкѣ, поднимаетъ голову государственная Москва. Она сначала, какъ ловкій политикъ, служила и нашимъ и вашимъ,—а себѣ изподтишка : сбирая подати съ народа, насчитывала на народъ; платя ихъ въ орду, обсчитывала Хана; сборъ податей съ удѣльныхъ княжествъ брала у орды на откупъ, какъ нынѣшніе откупщики берутъ сборъ за вино у правительства. Іоаннъ Калита ѣздилъ за Волгу, пресмыкаясь передъ Ханомъ искалъ большины надъ князьями и настроилъ дѣло такъ, что сынъ его Димитрій Іоанновичъ, названный *Донскимъ*, во главѣ другихъ князей удѣльныхъ, вступилъ въ открытый бой съ Мамаемъ и съ Куликова поля сошелъ побѣдителемъ.

Съ тѣхъ поръ Москва пошла впередъ и разбивая, съ перемѣннымъ счастіемъ, цѣпи владычества Монгольскаго, уже ослабленныя внутренними смутами орды, она забирала власть въ свои руки и гдѣ могла, своихъ противниковъ, князей удѣльныхъ, душила; гдѣ не могла, тамъ ссорила ихъ межъ собой, потомъ судила и осудивъ, разсоренныхъ душила. Дружбы между ними Москва не любила; къ чему?—Чтобъ забирать удѣлы, нужно безсиліе князей удѣльныхъ, ихъ разъединеніе; а пока князья не во враждѣ, могли соединиться... Москва ихъ ссорила и забирала.

Митрополиты, переѣхавъ изъ Владиміра въ Москву, освятили въ глазахъ народа первенство ея надъ городами русскими; а разъѣзжая по удѣламъ, по волѣ князя московскаго, для примиренія князей, они разносили по землѣ идею, что князья московскіе —князья старшіе. Стало быть старшіе, если судятъ другихъ и посылаютъ митрополита; вѣдь онъ первое лицо передъ Богомъ, да и то князя слушается, значитъ о старшинствѣ князя московскаго и спора быть не можетъ. Примирительная дѣятельность митрополитовъ оканчивалась пуфомъ, а въ иной разъ и того лучше для князей московскихъ, одному изъ противниковъ изрекалась анаѳема. Помилуйте! да это благодать! Значитъ въ обѣ стороны было хорошо, и идея о старшинствѣ князей московскихъ разносилась и росла въ народѣ, и вражда князей удѣльныхъ шла своимъ чередомъ.

Въ то время какъ святыни кіевскія подъ владычествомъ польскимъ отъ народа великорусскаго словно удалились, святыни московскія все ближе и больше привлекали къ себѣ религіозное уваженіе его—опять хорошо, опять новый шансъ..... Москва это знала и пускала капиталъ въ оборотъ: "Здѣсь образъ Божіей матери" писала она позже, въ смутное время, къ городамъ русскимъ, "Божіей Матери, вѣчной заступницы христіанской, Богородицы, которую евангелистъ Лука написалъ, и великіе святители и хранители Петръ и Алексѣй и Іона чудотворцы. Ужели вы православные христіане, то ни вочто поставите? Объ этомъ говорить и писать страшно. Только если не будете съ нами сообща, за едино страдать, сколько силы, сколько милосердный Богъ помощи дастъ и

Богородица и великіе чудотворцы помогутъ....." и проч.

А рознь удѣльная держалась *на однихъ князьяхъ*, боярству даже было всё равно, его понятія и родъ тождественны по всей Россіи, бояре были чистые космополиты. И потому когда виновники удѣльной розни, удѣльные князя теряли силу, земля влеклась къ соединенію; такъ стало нуженъ только центръ куда сходились-бы стремленія народа, и центръ найденъ, Москва указана.

Москва окрѣпла. Іоаннъ III окончательно разбилъ орду и уничтожилъ удѣлы. Василій Іоанновичъ, его сынъ, въ одно прекрасное утро, "велѣлъ писать себя самодержцемъ—и въ польскихъ грамотахъ и въ *исторіяхъ;* а званіемъ симъ, таковымъ самодержавствомъ никто отъ роду не писался, какъ сей самодержецъ." Сынъ царевны византійской показался. Ему поддался Псковъ; Іоанну Грозному Новгородъ. Кромѣ Новгорода, признавшаго власть съ боя, Іоаннъ завоевалъ три царства—Казанское, Астраханское и Сибирское, и наложилъ руку на Ливонію. При немъ упорнѣе чѣмъ прежде Россія воевала съ Польшей.

О томъ, что дало силы Іоанну завоевать три царства, замѣчу мыслью проведенной мною выше. Естественное движеніе тяжести по наклонной плоскости, разливъ моря по уровню бассейна, пластическая сила молодой народности, встрѣтившейся съ отжившими, Сѣверо-Американцы въ столкновеніяхъ съ Индѣйцами—вотъ гдѣ сила Іоанна.

А какъ это Новгородъ, разставшійся съ свободой съ бою, послѣ, въ смутное время наступившее вскорѣ,

когда связь частей Царства московскаго рушилась и власть Москвы уничтожилась, какъ въ это смутное время междуцарствія Новгородъ не поправилъ дѣло и не возвратилъ свою независимость?

Здѣсь, въ самомъ паденіи Новгорода явленіе, которое указываетъ намъ на шаткость и непрочность политическихъ существованій гражданскихъ обществъ, заключающихъ въ себѣ гражданскую и соціальную неправду отношеній межъ людей, а дальнѣйшую судьбу его, то, что послѣ самъ не захотѣлъ возвратить свою независимость, другимъ мы объяснить не можемъ, какъ и въ современной русской жизни, знакомымъ намъ инстинктомъ единства и цѣльнаго строенія земли.

Посмотримъ ближе.

Новгородъ бился и боролся *на своихъ стѣнахъ*. Царь стѣны взялъ, гражданъ казнилъ, избилъ и разселилъ по всей Россіи, *Новгорода не стало*. Новгородъ расплылся, Новгородъ улетучился, царь сковырнулъ его. Въ смутное время Новгородъ не возвратилъ своей независимости, потому что Новгорода, республики, гражданъ новогородскихъ уже не было, и возвращать было некому. А народъ? Земля? Да что народъ?

Развѣ народу не все равно, Повгородъ государь его или государь его царь московскій? Посадникъ, по приговору вѣча *гражданъ новгородскихъ*, съ народа земскаго тянетъ кожу, или тянетъ съ него кожу боярин — намѣстникъ, по указу изъ Москвы?... Великій господинъ Новгородъ съ своимъ вѣче, раздавалъ помѣстья въ кабалу архіереямъ, монастырямъ и воеводамъ не хуже царей московскихъ боярамъ ихъ.

Въ чемъ-же разница? Не въ томъ-ли только, что тамъ рабство словно постное, а здѣсь какбы скоромное? Не изъ любви-ли къ середамъ и пятницамъ, и къ святой пятидесятницѣ, когда монахи постились и учили поститься рабовъ своихъ, долженъ былъ народъ новгородскій возвратить самостоятельность Новгорода, его *владычество*, когда владычества Москвы не стало? Нѣтъ, народъ всегда умнѣе, чѣмъ думаютъ объ немъ.

Ну, не скажутъ-ли, народъ новгородскій, наученный опытомъ, освободившись отъ Москвы, могъ не возвращаться къ старому порядку быта, а устроить у себя правленіе на выборныхъ или какихъ зналъ —началахъ и жить свободно, независимо!

А чувство-то родства, а солидарность, стремленіе къ единству и сознаніе силы и безопасности отъ враговъ внѣшнихъ, такъ увлекающее человѣка и людей при мысли, что *насъ много*, а "одинъ, говоритъ пословица, въ полѣ не воинъ!" Справедливость этой пословицы, практическую вѣрность ея смысла подтвердили Пскову и Новгороду Іоаннъ III, Василій Ивановичъ и Иванъ Васильевичъ Грозный; всѣмъ Великоруссамъ, трехъ вѣковое монгольское рабство, заставшее Русь въ розни удѣльной,—въ полѣ воиновъ по одиночкѣ; южноруссамъ паны польскіе и ополячившіеся бояре южнорусскіе, да унія іезуитовъ;— Полякамъ подтверждаютъ нынѣ Россія и нѣмеччина, какъ нѣкогда Евреямъ Вавилонъ и Римъ, вѣдь не было-бы плѣна ассирійскаго, если-бы Евреи не распались на колѣна, не стонала-бы Польша подъ ярмомъ завоевателей, если-бъ шляхта польская не разрознилась съ народомъ и не озлобила его,—не

сила и мощь иноземная покорила землю польскую, а вражда и рознь домашняя народа съ панствомъ и панства межъ собой,—какъ слѣдствіе втолкнули *государство* польское во власть и плѣнъ другимъ сосѣднимъ государствамъ... Австрія и Турція давно твердятъ славянамъ юго-западнымъ, и ясно доказали что "одинъ въ полѣ не воинъ!"

Такъ вотъ что пособило Грозному завладѣть Новгородомъ; вражда народа новгородскаго къ прославленной свободѣ и аристократо-демократическибуржуазнымъ правамъ гражданъ новгородскихъ, и свобода Новгорода уничтожилась безслѣдно и независимость его погрязла въ волнахъ Волхова.

О томъ, гдѣ и какъ находилъ Іоаннъ такія большія средства для войны съ Польшей и Ливоніей, безъ ропота со стороны народа, который на Московскомъ соборѣ, на вопросъ царя : продолжать войну съ Польшей или нѣтъ?—рѣшилъ продолжать, объ этомъ краткая рѣчь впереди, кстати, когда бросимъ взглядъ на отношенія царя къ народу, т. е. царя Іоанна Грознаго исключительно.

Какъ-бы то ни было, но уничтоживъ монголовъ, Москва замѣнила ихъ собой, она пріобыкла къ порядкамъ и обычаямъ Сарайскимъ и унаслѣдовала ихъ съ кнутомъ и пыткой. Давно-ли существуетъ на Руси пословица : "Москва на крови стоитъ", мы не знаемъ, но мы знаемъ, что бояре московскіе были хуже для народа великорусскаго, чѣмъ баскаки монгольскіе; тѣ приходили изъ за Волги, въ гости, положимъ хоть незваные, и убирались во свояси, а эти были дома, и сидя на плечахъ народа, насиліе и произволъ возвели въ систему, грабежъ и душегубство

въ право и законъ : "При царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ бояре приговорили : если господа будутъ представлять къ суду своихъ крестьянъ и обвинять ихъ въ преступленіяхъ, крестьянъ подвергать пыткамъ *не по обыску*, какъ дѣлалось съ лицами другихъ сословій, а *по одному слову владѣльцевъ*." Хорошо! "Дворянинъ или сынъ боярскій могъ, вмѣсто того, чтобъ самому подвергаться правежу, посылать на истязаніе своихъ людей." Еще лучше! "Въ случаѣ, если дворянинъ или сынъ боярскій, медлилъ явиться въ срокъ на службу, брали его людей и крестьянъ и держали въ тюрьмѣ, *пока господинъ явится*. Когда по случаю непріятельскаго вторженія, загоняли людей въ осаду въ городъ и какая-нибудь помѣщица не слушалась и не являлась, вмѣсто ее наказывали ея людей и крестьянъ. Самъ господинъ имѣлъ возможность наказывать какъ хотѣлъ своего подвластнаго. Безъ всякаго суда и слѣдствія *виновнаго*, (Вообразите *вину*! хочется мнѣ кушать, ну, и виноватъ!) виновнаго призывали, онъ самъ скидалъ съ себя платье и ложился на брюхо ; двое садились ему на голову, двое на ноги и били прутьями иногда до того, что у него разсѣдалась кожа".

Разорвись-же сердце бѣдное, покатись слеза кровавая!

Примѣръ пошелъ въ прокъ, обычаи бояръ предковъ передаются изъ рода въ родъ дѣтьми боярскими. Да, передаются! Развѣ не потомки боярства русскаго позорили женъ и дочерей крестьянскихъ, и мужей ихъ и братьевъ отдавали въ солдаты и въ очередь и безъ очереди и въ зачетъ и безъ зачёта, отцовъ въ арестантскіе роты, ссылали въ Сибирь и засѣкали до смерти!..

Всѣ эти растлѣванія ... всѣ эти люди съ ихъ священнымъ правомъ на душу, тѣло и работу, а нынѣ на работу и на землю изнуреннаго, избитаго и раззореннаго народа—гдѣ имъ начало?

"По уложенію, вообще долги помѣщиковъ и вотчинниковъ правились на крестьянахъ (Умно и законно; вотъ такъ уложеніе!). Такимъ образомъ несчастнаго крестьянина отрывали отъ работы, держали въ городѣ и каждый день у приказной избы колотили по ногамъ (!) хотя онъ ни духомъ ни слухомъ не бывалъ виноватъ въ томъ, что его господинъ надѣлалъ долговъ и не платитъ".

Вотъ чѣмъ замѣнила Москва владычество монголовъ, вотъ чѣмъ подарила народъ, и осчастливила его; "На крови стоитъ"! сказалъ народъ впослѣдствіи.

IV.

После Іоанна Калиты до Василія Ивановича, отца Грознаго, московскіе князья слишкомъ были заняты дѣлами московскими и единодержавіемъ, чтобъ вспомнить, что они должны взглянуть на отношенія свои къ народу, да и народу было не до того. Умный Іоаннъ IV, поскользнувшись въ плѣсени крамолъ боярскихъ, съ ужасомъ замѣтилъ, какъ далеко царь отъ земства и бросился къ чертѣ, ихъ раздѣляющей. Какъ левъ въ желѣзной клѣткѣ рвался и бился Іоаннъ съ своей дворцовой властью,—бояръ онъ ненавидѣлъ, бояре измѣняютъ, бояре строютъ зло, но гдѣ, но какъ, но въ чемъ измѣна,—Иванъ Васильевичъ не могъ понять.

Грозенъ былъ вопиъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ!
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ силою,
Онъ прошелъ страну мордовскую,
Себѣ царство взялъ казанское,
Мимоходомъ астраханское,
Вывелъ Перфила изъ Новагорода,
Не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы.

Не могъ!—его бояре воспитали.....

Не спускалъ царь боярамъ своимъ, мстилъ онъ имъ за воспитаніе свое, такъ мстилъ, что

И прятались бояре старый за малаго,
И хоронились бояре малый за стараго...

А измѣну все-таки не вывелъ.....

Добрую-же волю и симпатіи къ народу Іоаннъ засвидѣтельствовалъ ясно,—народъ хотѣлъ "...отставить намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ и на мѣсто ихъ выбрать самимъ изъ своихъ посадскихъ и волостныхъ лучшихъ людей, старостъ и головъ *кого они межъ себя излюбятъ и изберутъ.*" На это земское хотѣніе царь Грозный отвѣчалъ: "Что на прежъ сего, мы жаловали бояръ, князей и дѣтей боярскихъ, города, и волости давали имъ въ кормленіе, и намъ отъ крестьянъ челобитья и докука была безпрестанная, что намѣстники наши и волостели и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего жалованья указу, причиняютъ имъ пропажи и убытки большіе; а отъ намѣстниковъ и волостелей и отъ ихъ пошлинныхъ людей намъ много докуки и челобитья, что посадскіе волостные люди имъ подъ судъ и на поруки *не даются*, бьютъ ихъ и оттого между ними поклепы и тяжбы большія. И мы, *жалуя крестьянство*, намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили. А для того, чтобы крестьянству пропажъ и убытковъ не было, и намъ-бы отъ посадскихъ людей челобитья и докуки не было на намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ, мы велѣли во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинить старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управу чинить, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею."

Уничтожая мѣстные областные вѣча, Іоаннъ видѣлъ въ нихъ остатки удѣльности, и преслѣдовалъ рознь земскую; избавляя народъ отъ намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ, онъ доказалъ этимъ, что не хотѣлъ подчинить землю исключительно господ-

ствующему вліянію государства, но вводя и признавая самоуправленіе земли, сознавалъ необходимость и порывался замѣнить уничтоженные вѣча областныя—вѣчемъ общимъ, вѣчемъ всей земли, парламентомъ на русской почвѣ, всенародной Земской Думой, которую не разъ онъ собиралъ въ Москвѣ.

Мы знаемъ, что основная идея государей московскихъ—идея *собиранія земли;* слѣдуя ей Іоаннъ хотѣлъ сохранить централизацію Москвы—и въ тоже время самоуправленіе народа. Отсюда—какъ соглашеніе началъ государственно-централизующаго и земско-народнаго самоуправленія—великія земскія думы изъ представителей всего народа подъ предсѣдательствомъ царя.

Эти два начала, государственное и земское сходились и находили мѣсто въ самомъ Грозномъ и связывались имъ.

Нетрудно видѣть, какое вліяніе эти земскія думы и это отмѣненіе намѣстниковъ, праветчиковъ и волостелей—имѣли на ходъ событій и на духъ народа русскаго; идея земскаго царя проникнувъ глубже, укрѣпилась и средства для войны росли и доставались легче.

Вотъ гдѣ сила Іоанна въ его войнахъ съ Ливоніей и Польшей и съ другими.

А государство, а отношенія къ нему народа, понятія земли о государствѣ—о боярствѣ, и чѣмъ оно держалось, и кто его хранилъ? Да пѣсня старая, все тѣмъ-же и все то-же... теперь больше чѣмъ когда-нибудь.

Въ Іоаннѣ Грозномъ сходились два начала—

государственное и земское. Какъ царь земскій, хотя отчасти идеальный, отчасти и дѣйствительный, онъ сблизился съ народомъ, и послѣ сами, опираясь на народъ, съ увѣренностью больше прежней, цари поддерживаютъ государство.

Народъ нашъ очень добръ, народъ нашъ по натурѣ деликатенъ; ужъ если, думаетъ, какой-нибудь ярыжка, господчикъ маленькій и тотъ имѣетъ у себя лакея, такъ какъ царю-то безъ послуги обойдтись? Для царскаго величества потребно и на столъ подать, за платьемъ присмотрѣть и на конюшнѣ. "У царя полковникъ кучеромъ и ордена имѣетъ," говоритъ народъ.

Историческое происхожденіе дворянства не повость, его названіе : *дворянство* указываетъ на *дворъ*, дворовыхъ, дворню царскую, но оно составилось не всѣ изъ дворни, въ него вошла *дружина*. Правда, и дружина по принципамъ не во многомъ отличалась отъ дворовства и названіе людей *служилыхъ*, *слугъ* великокняжескихъ говоритъ о томъ-же, а потомки Рюриковичей, князей удѣльныхъ, когда вошли въ составъ московскаго боярства, *понятіемъ своихъ обязанностей* относительно царя, смѣшались и слились съ дружинными служилыми людьми и царедворствомъ безразлично. Замѣчательно, что и народъ, такой разницѣ въ происхожденіи дворянства, значенія большаго не даетъ; иначе онъ не говорилъ-бы и не думалъ о всемъ дворянствѣ, какъ о *слугахъ*, потому что всякая историческая достовѣрность передается имъ изъ рода въ родъ и духъ и характеръ факта хранятся съ большой точностью.

"А противъ бояръ стоять-бы намъ всѣмъ за одинъ" характеризуетъ народъ отношенія свои къ боярству.

Но говоря о томъ, какъ земство смотритъ на дворянство, я приведу и взглядъ *дворянства* на народъ.

— "Экъ, его ломитъ!" говоритъ презрительно и нагло, относясь къ крестьянину, лакей. "Ну, ну, проваливай ты, сиволапый!" толкая мужичка въ бока и въ спину, прикрикиваетъ на него другой, въ передней барина, въ деревнѣ.

"Чернь, толпа, подлый народъ"—находимъ въ государственныхъ архивахъ, въ бумагахъ, въ которыхъ говорится о народѣ.

.... "Это есть явленіе стадообразное (*День* No. 4).* Можно-ли въ этомъ обвинять крестьянъ? Никогда, потому что ихъ необразованіе естественно должно поддерживать въ нихъ животный инстинктъ и они такъ-же безсознательно, въ этомъ случаѣ, пошли одинъ за другимъ, какъ овцы сигуютъ черезъ канаву, оттого что туда перескочила одна, какъ лошади понесутся въ сторону, оттого что туда поскакала передовая, какъ коровы, понуривъ головы, медленно слѣдуютъ завыдавшеюся изъ стада. Сравненіе это ни мало, не можетъ быть обиднымъ для крестьянъ, ибо всѣ люди суть животные и имѣютъ

* Г. Аксаковъ, печатая письмо П. Бланка, изъ котораго взята выписка, говоритъ : "Многія получаемыя нами письма и статьи до такой степени противорѣчатъ коренным убѣжденіямъ, такъ не согласны со всѣмъ нравственнымъ строемъ нашей газеты, и иногда такъ оскорбляютъ наши самыя завѣтныя влеченія симпатіи, что мы невольно задавали себѣ вопросъ : помѣщать ихъ или нѣтъ?" Приводя эти слова, предупреждаю всякое возможное недоразумѣніе объ отношеніи редактора "Дня" къ письму Бланка.

съ неразумными нѣчто общее въ характерѣ, по этому естественно, что чѣмъ менѣе *толпа* людей просвѣщена, тѣмъ болѣе подходитъ она къ инстинктивному стремленію животныхъ."... Ясно! толпа крестьянъ не просвѣщена, и потому она стадообразна, скотоподобна.... а стаду нужны пастухи.

Вотъ взаимный взглядъ одного на другаго, государства и земства.

Вотъ этотъ-то дуализмъ, или вѣрнѣе причину этого дуализма—сословіе боярское, Іоаннъ уничтожить и не могъ, и не только не могъ уничтожить, но, какъ я уже замѣтилъ выше, невольно придалъ ему силы; колоссальной личностью своей онъ вызвалъ уваженіе народа, которое смѣшавшись съ удивленіемъ къ Ивану III, и съ памятью Донскаго и Владиміра, подъ звуки слова проповѣдниковъ церковныхъ, слилось съ идеей о царѣ, и окруженные величіемъ, заслугами и славой въ представленіи народномъ, идеально - земскіе, реально - государственные цари русскіе, сословіе государствующее, боярско-дворянское развивали всё больше и больше и довели до нашихъ дней—сидящимъ на плечахъ народа, владѣющимъ его землями —съ кабальной грамотой на трудъ народный.

А это ужъ свобода—крѣпостнаго права нѣтъ....

Не понялъ царь измѣну; она не личная ему, она *сословная* народу, она боярская, да только не царю, она боярская—землѣ и правдѣ.

Не могъ царь Грозный упразднить боярство, боярство Грознаго испортило, боярство Іоанна воспитало.

V.

О томъ, что въ позднѣйшія времена народъ нашъ находилъ справедливымъ признавать право на престолъ русскій исключительно въ родѣ Рюрика, мы не имѣемъ доказательствъ;—Калиты?...—да съ какой стати? что Калита сдѣлалъ для народа? Привычка, или заслуги потомства Калиты по сверженію ига монгольскаго, содѣйствовавшія возвеличенію идеи царя вообще,—дали ему, этому потомству въ глазахъ народа, законное право на исключительное царствованіе въ странѣ? Можетъ быть.

Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, не Рюрикова рода, а татарскаго, взошелъ на царство, избранный народомъ помимо всѣхъ потомковъ Рюрика и принятъ всей землей.

И Лжедимитрія, свергнувъ для него съ престола Годуновыхъ, народъ призналъ царемъ не потому, что видѣлъ въ немъ потомка Рюрика, а—видѣлъ сына Іоанна Грознаго, царя, отчасти, земскаго.

Противъ-же мнѣнія о томъ, что по понятіямъ народа потомство Рюрика владѣло монополью на престолъ, не говоря о воцареніи Бориса Годунова можно указать на Шуйскаго.

Василій Шуйскій—былъ потомокъ Рюрика, но все таки земля царемъ его не приняла.

Еще о томъ не рѣдкомъ мнѣніи, основанномъ, казалось, на явленіи... что нашъ народъ къ царямъ относится какъ рабъ. Такое мнѣніе не выдержитъ ни слова критики, потому что самое явленіе, на коемъ это мнѣніе основано, аналитически разобранное, теряетъ смыслъ кумиропочитанія. Народъ нашъ смотритъ на царей, какъ на своихъ избранниковъ и представителей единства и цѣлости земли и *уважаетъ* въ нихъ себя.

Что отношенія къ царямъ со стороны народа не слѣпы и не рабски, не безусловны безъ границъ, а именно условны и свободны по принципу, по *идеѣ*, историческими доказательствами, кромѣ множества другихъ и *современныхъ намъ*, можно привести не только частныя распоряженія престолами князей удѣльныхъ, но это общее не признаваніе за княжественно-царскимъ родомъ Рюрика исключительнаго права на престолъ, избраніе на царство по любви— кого народъ захочетъ и снова дѣло Шуйскаго : боярскаго царя Василья земля на царствѣ не признала, потому что не она его избрала, а не признавъ, къ царизму отнеслась свободно и показала, что не себя отъ царя, *а царя отъ себя въ зависимость ставитъ*. До чего дойдетъ развитіе *задержанной* идеи, въ какія *соотвѣтственныя* формы введетъ она, приложенная къ жизни, верховноуправляющую власть, покажетъ время. Но возвратимся къ Шуйскому и періоду смутъ.

"На царя то возстаніе, говоритъ Гермогенъ, таково было, начали читать грамоту, писанную *ко всему міру*...князя-де Василія Шуйскаго одною Москвою выбрали на царство, а другіе - де города того не вѣдаютъ и князь Василій - де Шуйскій *намъ на царство* не любъ".

Несчастный Шуйскій, боярами на царство избранный, непризнанный и не поддержанный народомъ пошелъ въ Варшавскій плѣнъ.

По свѣжему пути въ Варшаву двинулось боярское посольство, просить на царство Владислава.

До воцаренья Владислава не дошло; измѣнники бояре безсовѣстно предавшіе несчастнаго Василья и предложившіе корону Владиславу на собственныхъ сословныхъ выгодахъ боярскихъ, на зло, раззоръ и безъ согласія народа, нашли въ землѣ отпоръ. Предупреждая замыслы продажнаго боярства, готоваго предать Россію, Прокопій Ляпуновъ отъ имени земли Рязанской и Сѣверной Украины писалъ: "Въ преименитый Новгородъ Нижній всему христіанскому народу: Мы, господа, про то знаемъ подлинно, что на Москвѣ всему христіанскому народу гоненье и тѣснота большая отъ бояръ и отъ польскихъ и литовскихъ людей. И мы *боярамъ* московскимъ давно отказали, и къ нимъ о томъ писали, что они, прельстясь на славу вѣка сего, приложилися къ жестокосердымъ, на своихъ людей (овецъ) обратились, и на томъ, господа, мы сославшись съ калужскими и съ тульскими и съ михайловскими и всѣхъ сѣверскихъ и украинныхъ городовъ со всякими людьми, давно крестъ цѣловали, чтобъ намъ за московское государство съ ними и со всею землею стоять всѣмъ за одинъ и съ литовскими людьми биться до смерти... Да бояре, господа, пишутъ изъ Москвы въ Тулу, чтобъ туляне къ намъ не приставали, а къ намъ въ Рязань они (бояре) шлютъ войною пана Сапегу да Струса со многими людьми польскими и литовскими, и *туляне*

боярамъ, господа, *потому-же отказали и ту боярскую грамоту къ намъ прислали.* А Володимеръ, господа, и другіе города, съ нами одномысленны". Далѣе Ляпуновъ говоритъ о довѣренныхъ людяхъ посланныхъ къ Нижегородцамъ, "для всякаго договору и для добраго совѣту" и отъ лица всего Рязанскаго и сѣверскаго народа проситъ преименитый Нижній Новгородъ дать свой совѣтъ и отписать во всѣ понизовые города, а такъ же въ Вологду и во всѣ поморскіе города. На это воззваніе рязанскаго и украинскаго народа всѣ областныя общины отзывались едино-гласно : "*отказывать* боярамъ *и противъ бояръ* всѣмъ стоять другъ за друга".

" Всѣ города московскаго государства—писали отъ себя Нижегородцы къ Вологжанамъ,—сослався межъ себя, утвердились на томъ крестнымъ цѣлованіемъ, что быть намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ въ любви и въ соединеніи и прежняго междуусобья не зачинать, и московское государство *отъ враговъ польскихъ и литовскихъ людей очищать* неослабно, до смерти своей, и грабежей нашему православному христіанству отнюдь не причинять, и своимъ *произволомъ* на московское государство государя *всей земли* не обирать... Будетъ, господа, вы опасаетесь отъ казаковъ какого налогу, или другихъ какихъ воровскихъ людей, и вамъ-бы однолично того не опасаться, какъ будемъ *всѣ, верховые и понизовые города въ сходу*, и мы *всею землею* о томъ совѣтъ учинимъ и дурна никакого ворамъ дѣлать не дадимъ. А однолично-бъ вамъ *съ нами быть въ одномъ совѣтѣ... и учинимъ совѣтъ о всякомъ земскомъ дѣлѣ*, утвердимъ крестнымъ цѣлованьемъ... Да и во

всѣ-бы вамъ поморскіе города отъ себя писать утвержденія и о совѣтѣ, чтобъ по всѣмъ городамъ всякіе люди отъ нашего совѣту не отставали... а какъ будемъ всѣ понизовые и верховые города въ сходѣ вмѣстѣ, и мы *всею землею выберемъ* на московское государство государя, кого намъ Богъ дастъ."

Видно ужъ сила такая пластическая въ народѣ славянскомъ. Не давно покоренные и вольно и невольно колонизованные царства казанское, астраханское и сибирское тоже примкнули къ союзу всей земли, и удержались съ ней. "Мурзы и татары обязываясь въ крестоцѣловальной записѣ своей, между прочимъ, стоять всѣмъ вмѣстѣ *противъ бояръ*, пишутъ уже къ пермичамъ : Мы всякіе люди, вся земля казанскаго государства и князья и мурзы и татары и чуваши и черемисы и вотяки сослались съ Нижнимъ-Новгородомъ и со всѣми городами повольскими, съ горными и луговыми, и съ горными и луговыми татарами, и съ луговою черемисою положили на томъ, что намъ быть *всѣмъ вмѣстѣ* въ совѣтѣ и въ соединеніи и за *Московское* и за Казанское государство стоять и другъ друга не побивать и не грабить, дурна ни надъ кѣмъ не дѣлать, а кто до вины дойдетъ и ему указъ учинить *по приговору* смотря по винѣ, и воеводъ и дьяковъ и головъ и всякихъ приказныхъ людей въ городъ не пускать (И хорошо!) и старыхъ не перемѣнять, *быть всѣмъ по прежнему;* и казаковъ въ города не пущать и стоять на томъ крѣпко, до тѣхъ мѣстъ кого намъ дастъ Богъ на московское государство государя, а выбрать-бы намъ на московское государство государя всею землею россійской державы, а будетъ казаки начнутъ

выбирать государя по своему изволенію, *не сославшись со всею землею*, и намъ того государя на государство не хотѣть. А что господа, ваша мысль, и что у васъ какихъ вѣстей будетъ изъ Новгорода Великаго и съ Вологды и съ Устюга или изъ иныхъ какихъ городовъ и вамъ-бы насъ безъ вѣсти не держать, писать намъ о томъ почасту, а что у насъ изъ Московскаго государства какихъ вѣстей будетъ и мы о томъ будемъ писать потому-же". Видите-ли не только сами пристали къ союзу земли, но и другихъ уговариваютъ. Сила ужъ такая у славянъ моральная и пластическая положительная и отрицательная и въ обоихъ видахъ стремящаяся къ одной цѣли къ неразрывному спаянію народа; столкнутся съ внѣшними врагами, враги положимъ одолѣли, сила отрицательная проявляется, славяне смыкаются и замыкаются въ кругъ, уходятъ въ себя и ждутъ, храня свою народность и отрицая все чужое. А встрѣтятся съ другими, съ народностью безъ почвы, которая слабѣе ихъ, славянскій элементъ работаетъ какъ зодчій, все старое, все мертвое толкаетъ въ грунтъ, живое очищаетъ, вдыхаетъ душу нову и тянетъ къ организму своего общественнаго тѣла.

Вятка и Пермь великая и наконецъ Новгородъ пристали къ Земскому Союзу областей.

Поддержанные совокупными усиліями всей земли, народныя нижегородскія войска, подъ руководствомъ Минина и предводительствомъ Пожарскаго пришли къ Москвѣ. Москву освободили, враговъ прогнали, крамолу усмирили и собрался Соборъ избрать царя.

Зачѣмъ-же царь? не лучше-ли республика? "Безъ государя, говорили выборные земскіе люди, москов-

скому государству быть не можно, безъ государя московское государство не строится *и воровскими заводоми* на многіе части распадается". Видете-ли, для чего нуженъ царь : безъ государя московское государство не строится и воровскими заводами на части распадается !..

Сейчасъ окинутое мною междуцарствіе, великая эпоха въ жизни русскаго народа. Изученіе исторіи эпохи этой дѣлаетъ для насъ вдвойнѣ понятнымъ то явленіе, которое мы видимъ какъ живое и живущее —во всей доступной намъ дѣйствительности русской, какъ достовѣрность историческую проходящимъ черезъ всю исторію народа русскаго, стремленіе къ единству и неразрывному союзному строенію земли.

Давно-ли уничтожены удѣльные княженія и независимость Новгорода и Пскова, давно-ли завоеваны три царства, давно-ли Пермь великая и Вятка вошли въ составъ земли народа русскаго, и вотъ настала розпь всеобщая, всѣ эти области недавно сплоченныя межъ собой, распались вновь до полной независимости и свободы другъ отъ друга и отъ Москвы.

Мы видѣли что сдѣлали всѣ области : Всѣ силы возродившейся, проснувшейся и самодѣятельно закипѣвшей жизни земской направились на новое свободное, любовное соединеніе всего народа всей земли.

VI.

Соборомъ Земскихъ выборныхъ людей въ Москвѣ на царство выбранъ Михаилъ Романовъ. Удачный-ли былъ выборъ? Боярскій сынъ, боярскій родственникъ —Романовъ окружилъ себя Боярской Думой и царство чаемое Земскимъ, сдѣлалось боярскимъ. Боярину на царствѣ, будь онъ ангелъ, будь злой духъ, равно не могутъ быть доступны нужды Земства, равно не вѣдома чужая жизнь и не понятны горечи чужія. Прошло шесть лѣтъ, какъ воцарился Михаилъ Романовъ и слышится въ землѣ *нестроенье великое, и скорбь въ народѣ земскомъ конечная* "... а въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца, отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые люди, которые ѣздятъ по городамъ для своихъ торговыхъ промысловъ, отъ ихъ-же воеводскаго задержанья и насильства торговъ своихъ отбыли." А Михаилъ злодѣемъ не былъ, кроткій и незлобный; одна бѣда— съ боярской кровью въ жилахъ, *съ боярской думой* въ головѣ. "А при прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было." Михаилъ Ѳедоровичъ созывалъ соборы, да былъ-ли прокъ, когда царемъ и царствомъ правили бояре? "... и отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ безпрестанныхъ службъ и сборовъ всякіе тяглые люди

оскудали и обнищали до конца, а отъ той большой бѣдности многіе тяглые люди разбрелися розно и дворишки свои побросали".

А время шло. На государство воцарился Алексѣй. "Вопросъ, говоритъ Котошихинъ, для чего пишется *самодержецъ?* Отвѣтъ, продолжаетъ онъ-же: какъ прежніе цари, послѣ царя Ивана Васильевича *обираны* на царство, и на нихъ были иманы письма, чтобъ имъ быть не жестокимъ и не опальнымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить и ни за что, и мыслить о всякихъ дѣлахъ съ боярами и съ думными людьми сообща, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлать. А нынѣшняго царя (Алексѣя Михайловича) *выбрали* на царство, а письма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ, и потому онъ наивысочайше пишется: *самодержцемъ*, и государство свое правитъ по своей волѣ, и съ кѣмъ похочетъ учинить войну и покой, и по миру, что кому по дружбѣ отдать, или какую помочь учинить, или иныя всякія дѣла великія и малыя похочетъ по своей мысли учинить, то съ боярами и съ думными людьми спрашиваетъ о томъ мало, въ его волѣ; что хочетъ, то и можетъ сдѣлать. А отецъ его царь Михаилъ Ѳедоровичъ, хотя самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ сдѣлать ничего." Вотъ такимъ образомъ и *сталъ* Алексѣй Михайловичъ *чинить что похочетъ* и дочинился до того, что взбунтовалъ Москву. Грабежъ чиновниковъ дошелъ до нельзя, народъ не выдержалъ и у царя, остановивъ его на улицахъ московскихъ,

взявъ лошадь за узду, а самого за пуговицы платья, потребовалъ Леонтія Плещеева, Назарія Чистаго— головами "и Леонтія Плещеева (Земскаго приказа судью) убили, и посольскаго приказа думнаго дьяка Назарья Чистаго убили и домы ихъ разграбили и иные многіе боярскіе домы и стольниковъ и гостиные разграбили." "... И на завтрея, Мая въ 26 день (1648), учинилась большая смута, и учали *всею землею* просить у государя убить окольничаго Петра Траханіота, и Петра Траханіота велѣлъ государь имъ отдать."

Уступчивость царя прошла, народъ почуялъ волчьи зубы; кто-же былъ въ овечьей шкурѣ? Быть можетъ зубы не свои, вставные? вопросъ остался не рѣшенъ; во всякомъ случаѣ здѣсь волчье дѣло.

Царь Алексѣй составилъ уложеніе, велѣлъ собрать соборъ чтобъ утвердить и подписать законы. Выборные люди находили, что кнутъ и пытка и другіе ужасы законовъ царскихъ, заимствованныхъ отъ монголовъ, для Земства непригодны и утвердить ихъ отказались. Царь приказалъ народныхъ представителей отправить въ заточенье; 140 членовъ Земской Думы поѣхали на дальній Сѣверъ..... остальные изъ партіи измѣнниковъ, льстецовъ и слабодушныхъ подписали, и драконовы законы Уложенія пошли гулять по Земству и частію дошли до нашихъ дней.

Вообще, Земскія Думы первыхъ временъ царствованія дома Романовыхъ до Петра Iго, послѣ начала царствованія котораго, думъ уже не было, для насъ важны не результатами ихъ думныхъ совѣщаній,

а какъ фактъ, какъ доказательство непобѣдимаго исконнаго начала самоуправленія, которое сама централизующая мать Москва ни отрицать, ни задавить была не въ силахъ, которое помыслилъ задавить Петръ I-й, и только задавилъ его на берегахъ Невы въ болотѣ, въ своей столицѣ, во всей-же матушкѣ святой Руси оно живетъ и сильно и непобѣдимо въ богатыхъ селахъ и въ чуть замѣтныхъ деревенькахъ въ глуши, въ дали, подъ Петербургомъ и Москвою, подъ Кіевомъ, на Оби и на Ленѣ, во всѣхъ общинныхъ сходкахъ и въ выборахъ извѣстныхъ и безвѣстныхъ земскихъ должностныхъ, въ бурлацкихъ, плотничьихъ и земледѣльческихъ артеляхъ и въ знаменитомъ выборѣ всѣмъ міромъ *ходоковъ*; они герои-депутаты Земской Руси безъ паспортовъ смѣло проникали въ отдаленный и суровый Петербургъ.

Царь Алексѣй съ боярской смутой, съ интригами и властолюбьемъ Никона, съ дворцовой чопорностью византійской, монгольскими законами въ странѣ— довелъ всю Русь до мятежа.

Кстати, что сказали-бы Сѣверо-Американцы, еслибъ ихъ правительство по поводу какой-нибудь *нужды*, ну, въ наше время на примѣръ, войны съ Южанами, умыслило свободныхъ жителей страны, на фермахъ, прикрѣпить къ землѣ и это для начала, а послѣ — на радости мира и побѣды—къ личности землевладѣльцевъ.

Такой законъ въ Америкѣ не мыслимъ—скажутъ. Но допустимъ...

Дальше; что сказали-бы Американцы, еслибъ ихъ правительство заботясь о душахъ народа, создало

въ Вашингтонѣ религіозныя обряды для страны и строго предписало не отступать отъ нихъ нигдѣ и никому подъ страхомъ смертной казни и иныхъ статей.

Народъ возсталъ-бы на правительство и результатъ явился-бы съ концомъ борьбы.

А нашъ народъ издревле былъ и воленъ и свободенъ, и по принципу независимъ и подвиженъ, какъ Сѣверо-Американцы. — Не того царевича Борисъ зарѣзалъ, въ убійствѣ коего Бориса обвиняютъ, а вотъ этого царевича *народной воли!* Изъ угожденія боярамъ, чтобъ съ ихъ боярской помощью держаться на престолѣ и царскій санъ упрочить за потомствомъ, онъ прикрѣпилъ къ землѣ крестьянъ. Царевичъ отмстилъ! Народный духъ свободы, воли оскорбился, зарѣзанный царевичъ всталъ, воскресъ, и земство въ видѣ Лжедимитрія во имя сына Іоанна Грознаго, не прикрѣплявшаго къ землѣ крестьянъ, а подтвердившаго права народа, возстало на Бориса Годунова и родъ его отъ царства отрѣшило.

Романовъ выбранный на царство земствомъ, сдѣлалъ земству больше, онъ прикрѣпилъ крестьянъ къ боярамъ!

Преслѣдуя идею прикрѣпленій, по наущенію властолюбиваго монаха Никона, царь Алексѣй рѣшился узаконить крѣпостное право церкви на совѣсть и религіозную свободу Земства.

Гоненія за вѣру начались...

Терпѣніе народа лопнуло, раздался взрывъ народнаго возстанія и имя Разина загрохотало по украйнамъ, и рикошетомъ отдалось въ Москвѣ...

"Въ гражданствѣ, говорилъ царю какой-то

мудрый,—въ гражданствѣ будутъ тайныя ухищренія скипетровъ людей; вельможныхъ будетъ постигать, какъ естественная, такъ и напрасная смерть. За тѣмъ послѣдуютъ великія *молвы, смущенія и различныя постановленія уряду городскаго, послѣдуютъ ненавистныя въ поношеніе и укоризну учиненныя законоположенія, добрыхъ обычаевъ смущенія и мерзкихъ прозябенія.* Изъ за этого будутъ великія скопища, сходы многонародные и *чувствительные.* Богъ да избавитъ, чтобъ не выскочило оттуда какое нибудь зло опредѣленное. Тогда вельможамъ, боярамъ, начальникамъ пагубно будетъ; гдѣ будетъ судъ и правда, тамъ и бранямъ не будетъ конца. Подданные возстанутъ противъ правителей, *за то что сердца ихъ (подданныхъ) сильно опечалены и тоскою исполнены.* Хотя *нѣкоторые* вельможи и помыслятъ объ упокоеніи уставительномъ, и всяку жилу натянутъ, чѣмъ-бы *колеблемый народъ могъ успокоиться,* но мало помогутъ. Притомъ будутъ сборища, казни истощатся и *мучители, которые сильно* возсвирѣпѣютъ, погибнутъ."

Пророчество сбывалось. За долго до возстанія народа съ Разинымъ, подспудныя волненія земли рождали изверженія вулкановъ, то тамъ, то здѣсь рвалась кора земная и здавленная сила съ ревомъ, съ пепломъ, съ лавой и съ громами летѣла на надземный міръ. То тамъ, то тутъ, то здѣсь, гудѣли бунты, вставали зарева на темномъ небѣ и въ воздухѣ носился запахъ сѣры и чувствовалось вѣяніе смерти.

Возстаніе Земли съ Степаномъ Разинымъ—апоѳеоза земской ненависти и вражды къ боярству. Вся Юго-восточная Россія, Заволжье по Уралъ, отъ Астрахани до Казани, горный берегъ Волги до Пензы и Тамбова,

Арзамаса и Нижняго Новгорода и луговой межь Нижнимъ и Казанью подняли знамя воли и объявили *безсословность*. Въ Архангельскѣ и Вологдѣ, прислушивались къ гулу понизовыхъ перекатовъ грома, въ Новгородѣ и Псковѣ волновались, въ самой Москвѣ готовились пристать къ возстанію, какъ только зарево поволжскаго пожара зажжетъ московскій горизонтъ.

Не противъ царя, противъ бояръ иду, за землю! говорилъ народу Разинъ.

Въ Симбирскѣ войско царское разбило ополченіе народа и хартія неволи Земской осталась въ государственныхъ рукахъ боярства!

Царь Алексѣй, какъ всѣ цари, не знавшій до конца, кто врагъ и кто не-врагъ, послалъ войска на Соловецкій островъ избить старообрядцевъ монастырскихъ и разорить пріютъ свободной вѣры.

Цари! народъ-ли васъ избравшій врагъ вамъ, бояре-ли—друзья? Народъ-ли недругъ вашъ?... за чтожъ его вы бьете, за что? За что?.. И вамъ наста нетъ часъ отвѣта и вамъ настанетъ страшный часъ!

"Царю былъ гласъ,—говоритъ народъ,—что онъ умретъ за мучениковъ Соловецкихъ. Царь послалъ гонца остановить осаду и приказалъ старообрядцевъ не тревожить, да ужъ было поздно! Царскому гонцу на полдорогѣ, встрѣтился другой изъ войска, онъ везъ извѣстіе, что Соловецкій монастырь разбитъ... Тѣла угодниковъ господнихъ, убитыхъ и замученныхъ страдальцевъ Соловецкихъ, на льду морскомъ безъ погребенія лежали до Казанской, и ледъ не отдавалъ ихъ морю, не таялъ, пока не погребли. Утроба царская разсѣлась, такъ царь и умеръ."

Успѣлъ-ли Алексѣй совсѣмъ раскаяться, народъ не знаетъ.

VII.

Имперія Петра Великаго... Да что имперія! Возстаніе народа съ Пугачевымъ, ясно говоритъ объ отношеніяхъ ея къ народу.

Петръ Iй и дубинка, стрѣльцы и казни, перепись и подати, работы и служба, заморская каша и земское масло... сынъ и дыбы, жена монахиня, земство въ колодкахъ, расколъ на крестѣ...

Екатерина и Меньщиковъ,

Петръ и Долгоруковъ.

Избраніе Анны, Анна Іоанновна, Іоаннъ Антоновичъ, Анна Леопольдовна, Биронъ и Минихъ, пытки, и казни, срубы и плами—костры и огонь, и душно и смрадно и дымно!

Елисавета и Лейбъ-компанія, Шлиссельбургъ и Іоаннъ Антоновичъ.

Петръ IIIй...

Екатерина, Пугачевъ...

Павелъ, во всемъ Екатеринѣ противурѣчившій, въ одномъ совершенно подражавшій ей, въ раздачѣ любимцамъ крестьянъ.

Александръ, крестьянъ не раздававшій, что-то думавшій и ничего не сдѣлавшій, кромѣ ужасовъ аракчеевскихъ и военныхъ поселеній.

Николай, марширующій... Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!

Но вотъ настало новое царствованіе...

Глухо пронеслась молва о какихъ-то намѣреніяхъ государя... Благоразумные не вѣрили.

Послѣ Николая I^го^, разъ десять поднимавшаго вопросъ крестьянскаго освобожденія, заранѣе обдумавъ и принявъ всѣ мѣры къ строжайшему храненію сей важной канцелярской тайны и къ тому, чтобъ возбуждаемый вопросъ при немъ на свѣтъ не появился, напрасно волновавшаго напрасною тревогой, какъ полицмейстеръ ложными сигналами пожарную команду, съ восшествіемъ на царство Александра Николаевича, сторонника *аристократіи*, въ *дворянское* сословіе сошло успокоеніе и люди говорили: яжды душа пій и веселись!

Восточная война окончилась.

Въ газетахъ появился циркуляръ министра къ губернаторамъ о строгомъ наблюденіи повиновенія крестьянъ помѣщикамъ.

"За наши жертвы!" Очень основательно ориентировались люди.

А молвь глухая всё ходила...

И скептикамъ хотѣлось позондировать...

На коронаціи, въ Москвѣ, Закревскій попросилъ царя увѣрить депутацію московскаго дворянства—лично. Всѣ предводители, губернскій—князь Щербатовъ съ уѣздными отъ имени московскаго дворянства явились къ государю съ просьбой подтвердить въ Россіи крѣпостное право.

Принявъ депутатовъ, царь сказалъ имъ: "Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе всякихъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь

важному я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это *теперь*. Но конечно, и сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ отмѣняться само-собою *съ низу*. Прошу васъ, господа, думать о томъ, какъ-бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображенія."

"Эти неожиданныя слова, говорятъ матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи,—поразили дворянство какъ громомъ, и привели въ великое удивленіе публику и министровъ. *Никто не подозрѣвалъ въ государѣ подобнаго намѣренія и взгляда на крѣпостное право.*"

Зашумѣли.....

"Не смѣетъ отнимать у насъ *священныя права* дарованныя его предками!"

Иные притаились и думали: гроза пройдетъ!...

И точно; посѣвы превратились въ жнивы, крестьяне для помѣщиковъ опять подняли пашню, опять засѣяли, готовятся съ цѣпами на гумно, а нѣтъ и слуху... прошло двѣнадцать мѣсяцевъ—ни слова! раздался свистъ и жжикъ цѣповъ на токѣ, лопата мѣрно поддевая битый колосъ бросала вверхъ, мякина развѣвалась вѣтромъ, а зерна сыпались какъ жемчугъ... а слезы мученицъ крестьянскихъ женщинъ падали на зерна... Еще два мѣсяца... Рескрипты государя повѣстили, что дворянство западныхъ губерній проситъ за своихъ крестьянъ... очень жаль стало...

разстаться съ ними, или что другое, объ этомъ положительныхъ извѣстій нѣтъ; а государь во всемъ съ дворянствомъ соглашаясь, послалъ къ нему программу, правила, на основаніи которыхъ разрѣшилъ писать проэктъ освобожденія крестьянъ подъ фирмой улучшенія ихъ быта. Я не психологъ, по части анатоміи и вообще физіологіи не силенъ и не могу судить какое дѣйствіе произвела на нервную систему литовскаго дворянства комбинація душевныхъ ощущеній по поводу рескриптовъ и программы...

Чрезъ десять мѣсяцевъ московское дворянство слушало: "Мнѣ, господа, пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду, и къ сожалѣнію, благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ, говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣненію крѣпостнаго права, и что надобно, чтобъ оно началось лучше сверху, нежели снизу. *Мои слова были перетолкованы.* Послѣ того, я *объ этомъ долго думалъ*, и помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова петербургской и литовскихъ губерній, даны мною рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется; но отозвалось нижегородское, а Московская губернія не первая, не вторая, даже не третья. Это мнѣ было прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ наслѣдникомъ, люблю ее теперь какъ родную. Я далъ вамъ начала и отъ нихъ никакъ не отступлю (здѣсь государь повторилъ

главныя основанія, изложенныя въ рескриптахъ). Я люблю дворянство. Считаю его первой опорой престола. Я желаю общаго блага, но не желаю чтобъ оно было въ ущербъ вамъ. (И никто не желаетъ,—общее благо ужъ потому *и общее*, что обусловливаетъ благо *человѣческое*. Но общее благо при благѣ *дворянскомъ* не мыслимо), всегда готовъ стоять за васъ, но вы для своей-же пользы, должны стараться, чтобъ вышло благо для крестьянъ. (Для этого нужно отречься отъ сословности и отдать землю народу; безъ этихъ двухъ условій блага для крестьянъ не будетъ). Помните, что на московскую губернію смотритъ вся Россія. Я готовъ всегда сдѣлать для васъ, что могу. (Самое лучшее—избавить дворянъ отъ сословности!), дайте-же мнѣ возможность стоять за васъ." ("Эти слова,—сообщаютъ матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ,—были произнесены тономъ упрека и почти съ угрозой. Государь сказалъ: "защитить васъ," разумѣя, вѣроятно, отъ крестьянъ, а "стоять" замѣнено въ печати. Произнося эти слова, говорятъ, государь ударилъ кулакомъ по столу.") "Понимаете-ли господа? Я слышу, что комитетъ много уже сдѣлалъ, я читалъ извлеченія изъ его занятій, многое мнѣ кажется хорошо; но я замѣтилъ, что написано объ усадьбахъ. Я подъ усадебною осѣдлостію понимаю не одно строеніе, но и всю усадебную землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобъ я могъ за васъ стоять, этимъ вы оправдаете мою къ вамъ довѣренность."

Не хорошо! — подумалъ Закревскій; скандалъ, печатать не надо.

Ничего, думало дворянство, изъ нашихъ рукъ не вывернется. А стало призадумываться.

Что онъ безъ насъ?—Нуль!

И послало въ Петербургъ проэкты улучшенія крестьянской доли, съ цѣной, которую хотѣло взять съ крестьянъ за *ихъ* усадьбы, по мѣстамъ, въ пять сотъ, шесть сотъ рублей за десятину и соразмѣрно за поля...

Встаю на точку зрѣнія народа, зову другихъ и дѣлаю вопросъ: Что *можетъ* думать человѣкъ о человѣкѣ, о баринѣ—крестьянинъ?

Что можетъ думать о баринѣ крестьянинъ, народъ о государствѣ?

..... Проэкты положили подъ сукно, а депутатамъ *разрѣшили* отправляться.

Мы, шагъ за шагомъ, прослѣдили за Александромъ Николаевичемъ въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія, въ *народномъ* дѣлѣ до перваго разъѣзда дворянскихъ депутатовъ. Мы видѣли всѣ дѣйствія его отъ первой рѣчи депутатамъ московскаго дворянства, пришедшимъ просить о сохраненіи рабства въ Россіи,—отъ рескриптовъ дворянству литовскому съ согласіемъ на ихъ желаніе, котораго они не имѣли, начать освобожденіе крестьянъ, до выговора московскому дворянству за медленность и нежеланіе освободить крестьянъ. Мы видѣли, что депутаты губернскихъ комитетовъ, когда было замѣчено, что они явились въ Петербургъ не какъ помощники и совѣтники въ дѣлѣ освобожденія на добро общее, а какъ борцы и блюстители исключительно интересовъ дворянскихъ,*

* И въ губернскихъ комитетахъ, и въ губернскихъ депутатахъ были исключенія въ пользу правды и добра, но это исключенія, тѣмъ болѣе безцѣнные по своей рѣдкости.....

тотчасъ были парализованы и изъ Петербурга *отпущены*. Вездѣ послѣдовательно, вездѣ рѣшительно, прекрасно!

(Правда, на сценѣ замѣчалась пустота, отсутствіе крестьянскихъ депутатовъ; за сценой слышалось движеніе, бряцанье шпоръ и грохотъ барабана, глухо...).

Но вотъ "Редакціонная Коммиссія" родила "Положеніе Освобожденія Крестьянъ". Коммиссія трудилась ревностно, но плодъ явился не удаченъ.

Отсюда начинается рядъ дѣйствій государя, поставившій всѣхъ въ неописанный тупикъ.

Вмѣсто длиннаго разбора послѣднихъ дѣйствій государя, его рѣчей московскому дворянству и русскому крестьянству, возмемъ понятіе, постепенно развиваемое государствомъ въ отношеніяхъ его къ землѣ *народной* съ временъ перво-московскихъ до нашихъ дней и изложивъ найдемъ, откуда истинно мудренныя начала "Положенія", объявленнаго русскому народу манифестомъ 19 Февраля, на чемъ основаны слова царя къ крестьянамъ: "другой воли не ждите!" къ дворянамъ: "я самъ помѣщикъ!"

Наше правительство, наше государство, нѣкогда приглашенное управлять общественными дѣлами народа, вообразило себя собственникомъ земли Русской. Оно сначала роздало боярству право на доходъ съ извѣстныхъ селъ, поселковъ, выселковъ, починковъ, деревень, подъ видомъ разныхъ пошлинъ, судебныхъ и другихъ; потомъ боярамъ отдало въ помѣстья землю этихъ поселеній, а дальше прикрѣпило земство къ его собственной землѣ, боярамъ отданной въ помѣстья. Еще позднѣе прикрѣпивъ

народъ къ боярамъ и дворянамъ лично и узаконивъ продавать его какъ скотъ на выгонъ и на вывозъ, хотѣло сковырнуть его съ земли, поставить межъ землей и небомъ, внушивъ понятіе, что русская земля принадлежитъ не Русскому страдавшему на ней и за нее народу, а вотъ этимъ людямъ Нормандскаго, Монгольскаго, Нѣмецкаго происхожденія и прочихъ.

Отсюда сущность "Положенія"; оно открыто объявило, что русскій человѣкъ лишенъ всѣхъ правъ на землю, что изъ нее не только половину отбираютъ для дворянства, навсегда безплатно, но и послѣднюю обливую и потомъ и слезами часть земли, народъ обязанъ у дворянства выкупить за деньги заработанныя гдѣ нибудь съ ушибами, съ увѣчьемъ, съ переломомъ ногъ и рукъ; а то по прежнему работать барщину и слушаться властей.

Отсюда-же у Александра Николаевича идеалъ Россіи *поземельной*, отчасти сельско-общинное, отчасти необщинное, мелко землевладѣющее *по выкупъ* населеніе, съ умѣренно-достаточнымъ выдѣленіемъ пролетаріата для обработки крупныхъ владѣній и колонизаціи земель на Востокѣ; съ англійско-прусской, нѣмецко-великобританской, государственно-поземельной аристократіей—крупно-землевладѣльческимъ *классомъ*, *сословіемъ*, какъ лучшей опорой порядка, законности и царскаго трона на благо страны!...

А этотъ идеалъ ведетъ къ другому:—правительственно органическаго строя, характеризующаго данный складъ и рознь народа съ государствомъ.

VIII.

Призванные для княженія на сѣверѣ, князья русскіе распространили свое владычество на Югъ уже не по праву *призванія* народомъ, а силой, войной, завоеваніемъ.

Народы, въ первобытномъ и не первобытномъ состояніи своемъ, переходя съ мѣста на мѣсто, стараясь найти земли возможно лучшія для своего поселенія, часто, почти всегда, нападаютъ на туземцевъ и безъ власти государственной, но то народы совершенно дикіе, кочующіе, не привязанные къ осѣдлой жизни, еще не успѣвшіе выработать какія нибудь начальныя понятія гражданственности; или, если и успѣли, и уже осѣдлы, но сдвинутые съ своего мѣста наплывомъ кочующей, завоевательной орды, отрываются отъ своей осѣдлости, если не хотятъ послужить грунтомъ нахлынувшему племени, и идутъ впередъ сталкиваясь съ попадающимися на пути; или наконецъ, части народностей, вслѣдствіе экономическихъ и другихъ причинъ густыми массами поднимающіяся съ родины и идущія и плывущія вдаль на чужбину, занимаютъ земли, нападая, прогоняя или покоряя встрѣченныхъ туземцевъ, слабыхъ и безсильныхъ удержать пришельцевъ поселенцевъ, которые въ послѣднемъ случаѣ, т. е. *покоривъ* туземцевъ, обезличиваютъ и поглощаютъ ихъ народность.

Не при такихъ условіяхъ начались завоеванія князей русскихъ. Здѣсь, на занятой ими территоріи, племена давно превратились въ осѣдлыя, самое призваніе князей, найденное народомъ нужнымъ для поддержанія внутренняго *гражданскаго порядка и спокойствія*, свидѣтельствуетъ о достаточномъ развитіи началъ общественнаго правопониманія и осѣдлаго общежитія; расширеніе границъ производилось *не передвиженіемъ* народа, а *властью правительственно-государственной* съ помощью *дружины*, слѣдовательно въ численномъ отношеніи горстью людей, хотя и иноземнаго происхожденія, которая не только не могла поглотить народности туземной, но сама довольно упорная, плавала въ ней какъ капля масла въ суповой кострюлѣ. Все что эта горсть могла и что на первыхъ порахъ сдѣлала, это государственное соединеніе разбросанныхъ племенъ въ одно цѣлое, политическое единство; и тѣ племена и области народа славянскаго, которые при дальнѣйшемъ развитіи общественной жизни, слились-бы между собой по собственному влеченію, безъ всякаго принужденія, составя областной союзъ, какъ это сдѣлалось девять вѣковъ спустя въ Америкѣ, и даже уже тогда, у самихъ славянъ на сѣверѣ, между словенами, мерью и кривичами призвавшими Рюрика *сообща*, слѣдовательно, призывая его сообща, они прежде согласились, сговорились, заключили союзъ,—и тѣ, говорю, племена и области народа славянскаго, которые не успѣли еще слиться между собою въ союзъ разумно и добровольно, были присоединяемы къ общему гражданско-политическому государственному тѣлу князьями съ помощью

дружины, насильственно, т. е. предупреждая естественный ростъ народа, тянули его къ верху, какъ ребенка за уши, а чтобъ не кричалъ и не рвался, пеленали въ цѣпи.

Но увеличивая объемъ политическаго тѣла страны, князья и не думали добиваться ея единства для *единства*. Просто, они посмотрѣли на княженіе какъ на свою частную собственность, которая чѣмъ больше, тѣмъ лучше, и когда настало время, семейство княжеское расплодилось, князья распорядились раздѣлить страну на части, удѣлами, между собой.

Народъ не мѣшалъ; въ раздробленіи политическаго единства своего, онъ видѣлъ только раздробленіе *государственной власти*, послѣ котораго, съ уменьшеніемъ ея силы, народъ могъ свободнѣй управляться съ самоуправствомъ князей и мало по малу довести ихъ до того, чтобъ они вспомнили свое *призваніе*. Такъ и вышло. Чтобъ не лишиться окончательно права княженія, князья во многихъ мѣстахъ и случаяхъ отказывались отъ своего самоуправнаго нрава и подчинялись началу выборно-совѣщательному. Такъ было въ Новгородѣ, случалось въ Кіевѣ, Владимірѣ и прочихъ.

Но я сказалъ, что народъ славянскій на Югѣ и отчасти юго-западѣ, завоеванъ князьями русскими *прежде*, чѣмъ успѣлъ соединиться самъ, именно только *прежде* и по этому и самое завоеваніе быть можетъ было легче и, завоеванный, онъ все же зналъ зналъ и *чувствовалъ* свое единство, и послѣ, когда пришла возможность прогнать обезсиленныхъ князей съ дороги долой, народъ инстинктомъ признавалъ нѣкоторую законность ихъ княженія, потому что въ

волѣ сѣверныхъ братій своихъ призвавшихъ князей, видѣлъ отчасти и свою волю по солидарности родства и племеннаго единства...

Какъ будто во имя будущаго неразрывнаго соединенія Славянъ въ одно цѣлое, Славяне южные признали призваніе князей славянами сѣверными, и вслѣдствіе этого инстинктивнаго, если можно такъ сказать признанія югомъ законности распоряженій сѣвера, князья русскіе остались на своихъ мѣстахъ княжескихъ по раздробленіи и ослабленіи ихъ силы и государственности и на Югѣ; а въ послѣдствіи, послѣ погрома и разгрома монгольскаго, они въ Москвѣ, въ Великоруссіи, понимая, или случайно придя къ тождеству интересовъ дома своего, съ интересами на этотъ разъ и въ этомъ случаѣ всего народа, дожившаго наконецъ до бо́льшаго сознанія необходимости единства, принялись за осуществленіе соединенія, но все еще въ формахъ соединенія государственнаго, а не народно-областнаго, союзнаго.

И вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, при складѣ частей страны въ одно цѣлое политическое тѣло съ государственной насильственной системой нервовъ, случались многіе уродства, натяжки и уклоненія отъ того, какъ онъ происходилъ-бы при свободномъ соединеніи областей, какъ совершился-бы самимъ народомъ, выросшимъ до одного народно-союзнаго политическаго тѣла изъ всѣхъ областей міра славянскаго.

Но подобнаго правильнаго склада, вслѣдствіе географическихъ условій территоріи, занимаемой племенами славянскими, не могло и быть. Земли, занимаемыя ими, не Америка, отдѣленная отъ остальныхъ народовъ міра океанами.

Еслибъ *русская государственная власть*, не позаботилась начать кристаллизацію племенъ славянскихъ искуственно, то прежде чѣмъ народное сознаніе развилось-бы до кристаллизаціи племенъ путемъ естественнымъ, до того времени славяне были-бы забраны одни за другими и порабощены сосѣдями, какъ это случилось съ племенами на закраинахъ міра славянскаго, не успѣвшими соединиться органически съ центральнымъ тѣломъ міра—Царствомъ Русскимъ.

Не смотря на все зло, неизбѣжное въ кристализаціи народа властью государственной, зло, противъ котораго народъ нашъ въ свое время всегда протестовалъ, указывая грядущимъ поколѣніямъ, что и предки ихъ безустанно добивались правды, я не думаю отрицать заслугу власти, совершившей соединеніе народа русскаго, въ особенности принимая въ соображеніе, какъ я уже сказалъ выше, географическія условія страны, имѣющей сосѣдами и не сосѣдами, господъ, которые всегда готовы погрѣть руки на счетъ ближняго;—я только думаю, что формы власти государственной теперь устарѣли, результатъ ихъ, государство—вредно. Власть государственная сталкивается съ какимъ нибудь государствомъ сосѣднимъ въ интересахъ совсѣмъ чуждыхъ интересамъ народа, возникаетъ война; народъ и не думалъ-бы вовлекаться въ войну эту, онъ особенно не сочувствуетъ въ этомъ случаѣ распоряженіямъ власти государственной, не уполномочилъ-бы ее на нихъ, если-бы его спросили, и теперь готовъ противодѣйствовать своимъ молчаніемъ, бездѣйствіемъ, готовъ власти государственной не дать средствъ вести затѣян-

ную ею войну... Но у власти государственной является посредникъ, помощникъ—это государство, служилое сословіе, дворянство, потомки дружины; они, эксплуатируя народъ, помогаютъ власти государственной выжимать изъ него соки, извлекать силы для удовлетворенія прихоти и затѣй ея.

Но вотъ народу нужно поднять свои силы, народъ хочетъ подать помощь порабощеннымъ братьямъ своимъ, чтобъ дать имъ возможность, сбросивъ гнетъ иноплеменничій, соединиться въ общей всѣмъ родной семьѣ своей..... Власть государственная этого не хочетъ, вслѣдствіе родства своего съ властью государственной сосѣдней, или потому, что не надѣется на силы страны своей, растроенныя и истощенныя неестественнымъ строемъ внутренняго управленія, заморенныя шнуровкой, узкимъ платьемъ, формой правительства, отжившей свой вѣкъ и превратившейся для народа въ нѣчто такое, чѣмъ уродуютъ ноги женщинамъ въ Китаѣ или головы людей на островахъ, не давая расти и строиться правильно; не надѣясь на силы страны или просто почему нибудь другому, только не хочетъ да и все тутъ. Чтобъ не дать возможности народу заявить и выразить его волю, власть государственная опять употребляетъ въ дѣло государство свое. Оно во всѣхъ случаяхъ является путами и гнетомъ народа; оно, образовавшееся изъ дружины великокняжеской, продолжаетъ хранить характеръ и значеніе дружины власти государственной, образуя собой станъ, враждебный народу, какъ сказано много разъ выше, господствующій надъ нимъ, эксплуатирующій его. Нечего и говорить еще о вредоносномъ отношеніи госу-

дарства къ народу въ соціальномъ бытѣ послѣдняго, о скрещивающихся въ этомъ мѣстѣ интересахъ того и другаго; о томъ, что по самому свойству своему, государство такъ-ли, иначе-ли, пока существуетъ, всегда будетъ жить и благоденствовать на кровавый счетъ труда народнаго, на счетъ пота, слезъ, муки и земли его!

Вотъ почему, кромѣ множества другихъ причинъ помянутыхъ у меня и не помянутыхъ; государство вредно и вотъ почему, говоря категорически народъ и государство два враждебные другъ другу стана.

Если самая власть государственная перестанетъ быть властью, съ современнымъ намъ характеромъ ея, государство, этотъ враждебный станъ народу, не перестанетъ быть станомъ народу враждебнымъ пока существуетъ; потому не перестанетъ быть враждебнымъ, что самая его станообразность народу уже враждебна. Чтобъ вражды этой не было, надо, чтобъ одна сторона изъ враждующихъ уничтожилась, войдя въ другую, а такъ какъ народъ уничтожиться не можетъ, ему отречься отъ самаго себя нельзя, то и остается уничтожиться стану государственному, т. е. дворянству, составляющему его, отречься отъ сословности.

А власть государственная, должна превратиться во власть правительственную, сообразную съ духомъ, ростомъ и потребностями народа, самоуправляющагося посредствомъ представительной формы правленія съ Великой Всенародной Земской Думой во главѣ, какъ выраженіемъ союза и неразрывнаго единства всего Міра Славянскаго.

Да здраствуетъ Царство Славянское! Единое, неразрывное, безсословное, народное Царство Славянское!

Да здраствуетъ!

Да здраствуетъ Царство Славянское! — союзное, свободное, могучее Царство Славянское!

Да здраствуетъ!

Да здраствуетъ Царство Славянское! Отъ моря Бѣлаго и Балтики до моря Чернаго и Босфора, отъ волнъ Адріатическихъ до океановъ Тихаго и Ледовитаго!

Да здраствуетъ!